

Приговор некроманту

Автор:

Владислав Жеребьев

Приговор некроманту

Владислав Юрьевич Жеребьев

Наши там (Центрполиграф)

Наш соотечественник, майор Котов, после несчастного случая на огневом рубеже оказывается не на больничной койке, а на скамье подсудимых. Однако не так все просто. В минуты, когда смерть и жизнь стоят друг против друга, его сознание переносится в тело опального некроманта, против которого ополчились высшие силы и венценосные особы. Теперь он маг по прозвищу Серый Кот, ему необходимо обелить свое имя, выжить, уйти от страшной опасности и понять свое истинное предназначение.

Владислав Жеребьев

Приговор некроманту

© Жеребьев В. Ю., 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

© «Центрполиграф», 2019

* * *

Глава 1. Когда всё против тебя

Сергей Котов – вот как меня зовут. Друзья называют Серым, однополчане – Котом. Смеются многие, мол, девять жизней у тебя мужик. Старо, избито, однако в бою греет. Грело, точнее, а теперь я разве что в отставку не списан. Так уж повелось, что старую лошадь и пристрелить жалко, и в упряжку не поставишь.

Годков мне – сорок три. Староват я для майора, но, как говорят те же парни из роты, с гонором нашего Кота Серого – выше не прыгнуть. Ну, извините, господа. Хамства не терплю, неуважения, трусости. Часто говорю в глаза о тупости и бесполезности. За что и страдаю. День грядущий готовит гадость. На гражданку не сунешься. Ничего я не умею больше. Только воевать. Это, может, и пригодится, но не в нашей стране, а из нее я ни ногой.

История моя начинается прямо сейчас. Рутинная штука, караул. И в этот раз я спускаюсь с вышки, уставший. Ноги еле держат.

– Эй, Кот, тебя в штаб!

Усмехаюсь грустно. Вот так вот, с караула – и на ковер к командирам. Служба и без того не сахар, а тут еще и новое начальство пожаловало. Надоели хуже горькой редьки. Иду в караулку, передаю смену. Сдаю пистолет в оружейку и топаю вперед, мимо плаца, мимо казарм, вдоль высокого забора с егозой, за которым притаились остроносые бэмсы и мелькают механики в замасленных бушлатах. Шагаю мимо гарнизонного дома офицеров, через проходную и в штаб гарнизона. Десять ступенек вверх, посыльный вытягивается при виде моих погон. Я отмахиваюсь.

– Вольно, боец. Кто сегодня дежурный?

– Подполковник Северов, товарищ майор.

– Котова кто вызывал?

– Не могу знать. Уточните у дежурного.

Захожу внутрь, тут ноль реакции. В плексигласовом стакане, за пультом, около знамени, скучает Леха Северов, мой сокурсник, поймавший на погоны на одну звезду больше. Ручка шуршит по бумаге, Северов бормочет что-то себе под нос. Чуть слышно играет радио.

– Здорово, Леха! – гроыхаю по гулкому дощатому настилу мимо очередного посыльного. – Встречаешь?

Северов отвлекается от кроссворда. Выдает вымученную улыбку.

– Тебя начштаба вызывал. Рвет и мечет.

– Кононов?

– Да, из новых. Сегодня первым делом на тебе вопрос заострил. Мол, плохо ты на нынешнее поколение офицеров влияешь, а с Синицыным так вообще палку перегнул.

История со старшим лейтенантом Синицыным была из разряда печальных. Едва он переступил порог казармы, как я сразу почуял гнильцу, а узнав фамилию лейтенанта и сопоставив ее с генерал-лейтенантом Синицыным, командиром нашей дивизии, сразу понял, что к чему. Младший Синицын оказался избалованным и наглым, службу нес спустя рукава и зачастую отсутствовал на построениях и планерках. Конфликтовать Синицын начал не сразу, сначала как следует разведаль обстановку, обозначил свое положение «флажками» и до поры до времени неспешно существовал, пока не вышел со мной на открытый конфликт. Старлей ударил военнотружущего, сротника, простоту солдату, только за то, что тот не крикнул «смирно», когда звездный мальчик появился в расположении.

Солдат стерпел, никому не донес, не побежал к высокому начальству, понимая, что только навредит и себе и ротному, а я такие выкрутасы терпеть не мог и, зажав зарвавшегося старшего лейтенанта в каптерке, как следует в нашем воинском братстве объяснил ему всю разницу между сротной и контрактной службой. Беседовал аккуратно, без синяков, но с пристрастием, и на пару дней положил Синицына младшего в лазарет с общим развивающим. Очухавшись, малец, разумеется, настучал своему высокопоставленному родственнику, а тот спустил собак на командира и начштаба. Разговор предстоял не из приятных.

Поднявшись на третий этаж, я, будто на голгофу, прошествовал к кабинету начальника штаба и, постучав, заглянул внутрь. Широкий, с огромными окнами, полками с литературой по тактике и строевому шагу и огромной картой с отметками, кабинет начштаба всегда вызывал у меня зависть. Как-никак моим профилем была оперативная подготовка, и я должен был состоять в группе командира, а там и до «теплого» места недалеко. Но не сложилось.

– Котов? – Голос нового начальства не был злым, однако и ничего хорошего в стальных нотках, проскользнувших в словах полковника Прозорова, я не услышал.

Войдя, я остановился, в нерешительности оглядевшись, не предложит ли руководство присесть, но полковник не торопился, и длинный стол для совещаний, где свободных стульев, окружающих его, было с десятков, остался для меня недостижимым миражом. Вместо этого Прозоров с громким хлопком закрыл ежедневник, встал и толкнул дверь. Ту самую дверь, которая была самым интересным в любом таком кабинете, дверь, за которой, как правило, таилась уютная комната с телевизором, холодильником, мини-баром и отдельным туалетом.

– Заходи, майор. – Прозоров шагнул внутрь и, немного позвеневав в недрах мини-бара, вытащил оттуда початую бутылку коньяка. – Будешь?

Я отрицательно мотнул головой, так, на всякий случай, и получил кривую улыбку начальства.

– Правильно, – хмыкнул полковник. – А я буду. Мерзко.

Я остановился в проходе, обозревая кожаный диван и дорогую отделку приватной комнаты.

– Не понял, товарищ полковник?

– Ой, не дури. – Прозоров налил себе полстакана коньяка и одним махом опустошил его, крикнув. – Ой, не дури. Я же тебя по Синицыну вызвал. Ты вообще, дурья твоя голова, понимаешь, что сделал?

– Я? – Понимая, что разноса мне не избежать, я пошел на откровенность. – Прижал мерзавца. Руки распускает. Поведение его не достойно мундира, и я...

– Майор, давай без пафоса. – Полковник тяжело опустился на диван и, печально посмотрев на меня, вновь потянулся за бутылкой. – Я прочел твое дело. Три медали за отвагу, благодарности, куча выговоров с занесением. Непростой ты тип, Котов, но тут ты палку перегнул. Синицын же племянник комдива.

– Гнида, она и есть гнида, пусть даже с блатом, – оскалился я, но Прозоров, скорее, не обиделся, а огорчился.

– Дурак ты, Котов, – обреченно произнес он. – Ведь у меня есть четкое указание, сгноить тебя на корню, как прошлогоднюю картошку на продскладах. Я был у генерала, и он так орал, что у меня до сих пор в ушах звон стоит.

– Интересно. – Я без спроса присел на диван. – И как это – сгноить?

– Да просто. – Вдруг полковник остервенело махнул ладонью, рассекая воздух. – Наряд за нарядом, без командировок и отпусков. Ровно столько времени, чтобы ты до пенсии не разогнулся, а если срок подошел пенсионный, то списать тебя по возрасту. Сейчас в строевой части выясняют.

Мне стало грустно и обидно. Не то чтобы я был правдорубом или орал на каждом углу о несправедливости, просто был на голову выше стукача и действовал по делу, и, что удивительно, начальство это понимало и было на моей стороне.

– Увольняйся, Котов, – спокойно посоветовал полковник. – Уходи в запас. Выслуга лет у тебя есть. Пенсию тоже никто не отменял. У комдива не такие длинные руки, как он говорит. На гражданке он тебя не достанет.

– А дальше? – печально произнес я. Лютая, скребущаяся в душе тоска подступила внезапно и вцепилась тонкими когтистыми пальцами в горло.

– А дальше – устройшься. – Полковник ободряюще похлопал меня по плечу. – Уходи, Котов, сам уходи. Проще будет. Комдив тебя в войсках достанет, а по гражданке – зубы обломает.

Озабоченный таким приемом, я покинул кабинет и, спустившись по лестнице, вышел в курилку за штабом. Сев на скамейку, около казармы, я вытянул из кармана кителя пачку сигарет, закурил и решил прикинуть свои шансы. Дело, похоже, было дрянью, хоть я работал и аккуратно. У мерзавца не осталось ни одного синяка, за это я мог ручаться, так что никакой эксперт по гематомам не сможет связать его плохое состояние с моей персоной. С другой стороны, все отлично знали склочный характер комдива, а о его злопамятстве ходили легенды. Слышал я, что какой-то офицер перешел ему дорогу, по пустяковому делу вроде распределения материальной части. Старик настолько озлобился, что тот парень до сих пор ходит комвзводом в каком-то далеком гарнизоне на границе географии.

Можно было, конечно, показать характер и зубы, однако я отлично понимал, что мы в разных весовых категориях. С другой стороны, было много примеров того, как мои бывшие однополчане устраивались на гражданке. Один открыл частное охранное агентство, купил достойную машину и даже завел молодую любовницу. Другой уехал в Европу и, кажется, работал телохранителем у какого-то певца или музыканта. Наш брат за рубежом котирировался, но я не помнил, чтобы оба моих товарища выражали восторг по поводу их нынешнего состояния...

От грустных мыслей меня отвлек влетевший в курилку Петров, командир взвода в моей учебной роте.

– Кот, спасай! – Рухнув рядом, старший лейтенант бесцеремонно вытащил из моего кармана сигареты.

– Курева нет? – меланхолично поинтересовался я, простив Петрову эту наглость.

– Хуже. Командир ставит руководителем стрельб, а мне вот как надо раньше из части свалить. – Для убедительности старлей провел пальцем по тому месту, где у него располагался кадык. – Теща приезжает, в аэропорт надо позарез. Если я ее с чемоданами не встречу, то Маринка моя меня с потрохами съест.

– А документы в РАВ?

– Да пустографки, – просиял Петров. – Впишешь себя, и всего делов, а я за тебя в караул пойду.

– Дважды.

– Кот! Без ножа режешь.

В принципе на вечер планов у меня особых не было. Машину я не водил, так что, уехав на дальнее стрельбище, я опаздывал на последнюю маршрутку до города, а заливать горе водкой я и в расположении мог. Опять же, было время подумать обо всем хорошенько.

– Либо два караула, либо со своей Маринкой будешь объясняться, – пошел я с козырей.

– Ладно, – обреченно махнул рукой Петров, а потом, гоготнув, убежал.

Стрельбы были вечерние, и времени для оформления документов у меня имелось предостаточно. Заскочив в гарнизонный дом офицеров и став бедней на тридцать рублей и богаче на стакан растворимого кофе, а потом заглянув и на склад ракетно-артиллерийского вооружения, я оформил все бумаги, и к семи вечера, на двух «Уралах», набитых бойцами, мы отбыли на дальний полигон.

По поводу раздумий я ошибся. Обстоятельства нагнетали меланхолию и упадническое настроение и вот-вот грозили перерасти в депрессию со всеми вытекающими, так что я как будто бы и тут был, и где-то далеко, от этого балагана с его достоинствами и недостатками. Трясая дорога по танковым колеям тоже настроения не прибавила. Водители шли, как могли, ровно, но даже они не сумели спасти меня от зубодробительной джиги. Сидя в кабине справа от водителя, я подскакивал на сиденье и тихонько матерился. Бойцам в кузове приходилось еще хуже, так что роптал я не сильно, скорей для проформы, уже планировал, что буду делать на гражданке. Первым в списке моих дел была кровать. Хотелось выспаться до одурения, до тошноты, чтобы в конечностях ломало и ныл зад. Потом бы я прогулялся по городу, посидел бы в хорошей пивной, обзвонил бы пару старых школьных знакомых, а может быть, еще заскочил бы в театр или кино. Поскольку в последний раз я в отпуск ходил еще в прошлой жизни, то рассчитать меня должны были на хорошую сумму. На нее я планировал съездить в Крым или Краснодар. По известным причинам майор Котов был не выездной еще лет десять, и поверьте, меня это не расстраивало.

Визг тормозов и грохот деревянного борта возвестили о том, что мы наконец прибыли, и я приступил к своим непосредственным обязанностям, предварительно подписав документы у коменданта стрельбища, старшего прапорщика Тараторкина. Рябой, с копной непослушных волос, норовивших выскочить из-под форменной пятнистой кепки, прапорщик постоянно травил какие-то невероятные байки и был большим любителем фантастики. Скучно одному на полигоне, вот он и проводил свободное между стрельбами и проверками время за чтением очередного опуса, привезенного из города.

– Здорово, Котов. – Тараторкин растянул рот в щербатой улыбке. – Чего такой смурый?

– Проблемы, – отмахнулся я.

– По службе али в любовном деле?

– Экий ты любопытный. – Я попытался отвязаться от прапора, но тот не отставал, следуя за мной по пятам.

– Ну а все же? Ну, Котов! Ты бы хоть новости последние рассказал! Слышал я, что кто-то рехтанул племянничка комдива за то, что тот беспределы устраивал. Не ты, часом?

– Я, – бросил я сухо, ускоряя шаг.

Тараторкин аж присвистнул от услышанного.

– Ну ты, Котов, выдал! Уважаю! Мир твоему праху. Комдив тебя разжует и выплюнет, а может, и с костями схарчит.

– Типун тебе на язык, Тараторкин. – Я постарался оторваться, но прапорщик, воодушевленный моим признанием, сел мне на хвост будто заправский филер, не страхнешь.

– А что мне, что мне? Я же всеми руками за. Надел погоны, так блюди. Сволочам и крысам у нас не место. Кстати, что у тебя первым идет?

Я сверился с документами.

– Метание гранат.

– Ох, смурной ты, – посетовал прапор. – Путаный. Держи брат ухо остро.

Я отмахнулся и пошел в сторону роты. Бойцы уже получали боеприпасы...

Учение шло своим чередом. Вводная часть, разбивка на группы, выдвижение на позиции, все ровно, чинно, благородно, если бы не одно но. Ближе к двадцатой минуте практического занятия краем глаза я увидел странное мельтешение. Кто-то из бойцов не рассчитал, и РГД, взвившись в воздух и ударившись о заграждение, отлетела назад в окоп. Все внутри похолодело, сердце забухало часто и почти истерично. В окопе, кроме меня, было еще четверо бойцов, и укрыться им за чем-то было попросту невозможно. Не знаю, чем я тогда думал. У другого бы сработал инстинкт самосохранения, паника поднялась, рванул бы аки лось по пересеченной местности до ближайшего валуна, и все.

– Вспышка справа! – заорал я, и бойцы, попадав, закрыли голову руками. Я же рухнул сверху на гранату, и пришла тишина. Вот тебе и дембель, майор Котов. Отвоевался...

Глава 2. Без вины виноватый

– Встать, суд идет!

Я ничего не почувствовал. Ни взрыва РГД, ни боли, пронизывающей кишки. Полный, абсолютный вакуум. Хотя нет, кто-то что-то говорил о суде, и в голове моей возникла мысль.

«Я умер. Я точно умер и сейчас на Страшном суде. Господи, я же не верил во Всевышнего, а иногда и откровенно смеялся над теми, кто пытался развивать со мной теософские темы».

Я открыл глаза и облегченно вздохнул. Облаков и райских врат не обнаружилось, да и собравшиеся в помещении на ангелов и демонов не тянули. Остальное, однако, оказалось из рук вон плохо. Хотя особых болезненных ощущений я не испытывал, но руки оказались закованы в массивные кандалы со странным рисунком. Одет я тоже был весьма странно. Вместо привычного камуфляжа, или, на худой конец, больничного халата, был облачен в какое-то серое просторное рубище. Хламида имела капюшон и была подпоясана простой веревкой с массивными узлами на концах. Ноги, голыми коленками выглядывающие из-под полы хламиды, были обуты в странную кожаную обувь, похоже, ручной работы. Довершало все это, то что я сидел на скамье в клетке с толстенными прутьями, а по бокам от меня возвышались два огромных мужика в латах. В руках они сжимали мечи, вполне натуральные на вид, и оба, при своей стати и явном физическом превосходстве, с опаской и страхом поглядывали на меня. Чувствовали они себя явно не в своей тарелке и, кажется, если бы не долг, давно покинули бы свои посты.

Помещение, в котором я оказался, как нельзя больше походило на судебное. Длинные скамьи, кафедра для судьи, зарешеченные окна с лентами, на которых читались те же странные угловатые символы, что и на моих кандалах. Публика тоже подобралась странная. Казалось, что их согнали с какого-то исторического фестиваля – так странно и непривычно все были одеты. Большая часть собравшихся, а было их в зале не менее дюжины, облачены в простые домотканые рубахи, однако встречались и более интересные персонажи. Один из них, худой как палка старик с пронзительным взглядом, был одет в просторную хламиду на манер моей. Его тонкую, почти юношескую, талию охватывал широкий кожаный пояс, богато украшенный вышивкой и тесьмой, а на ногах у старика были высокие красные сапоги с кокетливо загнутыми носами. Ни дать ни взять, клоун на выезде. Другим, стоящим внимания персонажем, являлся невероятно широкий в плечах детина, в кольчужной рубахе и широких пунцовых шароварах. На ногах мужика тоже были сапоги, но черного цвета, с тупыми тяжелыми носами и высоким, почти женским каблуком. Сапоги были оснащены шпорами.

Чего в достатке имелось в зале, так это бород. Самые разные и интересные, короткие и длинные, заплетенные в косицы и отпущенные чуть ли не до пояса, с лентами и колокольчиками, рыжие и черные, всех цветов, мастей и с самыми причудливыми украшениями. Даже солдаты, охранявшие мою клетку, имели аккуратные, ухоженные, на военный манер клиновидные бородки, и если бы не их облик, то вполне могли бы сойти за конкистадоров. По сути, тут все были бородаты. Все, кроме меня.

– Суд идет! – вновь завопил кто-то, и все, будто по команде, дружно поднялись. Заскрипели лавки, послышалась какая-то возня, а к кафедре подошел еще один старик с длинной черной бородой и в угольного цвета накидке, из-под которой выглядывали веселенькие василькового цвета штаны. На ногах судьи, а судя по серьезному виду и белому парикку на голове это был именно он, обувь тоже была странной. Старомодные штиблеты с тупыми носами и золотистой пряжкой ни в коей мере не гармонировали с его образом, создавая впечатление, что владельца этих штиблет вызвали с какого-то увеселительного мероприятия.

– Садитесь! – Зычно гаркнул судья. Снова заскрежетали по полу скамейки и зашаркала обувь.

Подойдя к кафедре, человек в парике взглянул на толстый, обтянутый кожей фолиант и вдруг помрачнел.

– Все понятно! – скрипнул он зубами. – Не зря меня выдернули с дня рождения собственной дочери.

Судья перевел взгляд с записей на меня, и я буквально кожей ощутил его ненависть.

– Сегодня мы судим некроманта! – вдруг выдал он, и тонкий палец пианиста с аккуратным, розовым ногтем указал в мою сторону. В зале слышались возгласы неодобрения и неллицеприятные восклицания, и судье пришлось долго бить деревянным молотком по деревянной подставке, стоявшей на кафедре. Успокоились собравшиеся бородачи только тогда, когда мужик в веселеньких штанах пообещал выгнать всех из зала и вести разбирательство в закрытом порядке.

«Я в коме, – пришло мне в голову, – лежу в больнице, и весь этот бред с бородатыми людьми в странных сапогах мне просто чудится из-за обезболивающих и большой потери крови».

Эта мысль придала мне силы. Кома – это не тот свет. Оттуда и выйти можно, а если это галлюцинации, то можно что-то и предпринять. Без последствий. Вы помните то неопишуемое чувство, когда во сне понимаете, что спите. Уникальные возможности появляются, я вам доложу. Можно летать, ходить

сквозь стены, творить, что хочешь. Я попытался встать и понял, что не могу. Тело мое буквально прилипло к скамье. Решил поднять руки, и эта попытка пошевелиться тоже с треском провалилась. Дурной сон грозил перерасти в откровенный кошмар, что тут же и подтвердилось, когда я не смог вымолвить и слова. Все, что мне тут было позволено, – это моргать и вертеть головой.

– Начнем! – громогласно произнес судья, явно наслаждаясь звуками своего голоса. – Итак, на повестке дня у нас запрещенное черное колдовство, и не просто колдовство, а некромантия первого порядка.

Зал снова зашумел, однако на этот раз для наступления тишины хватило только одного взгляда судьи.

– Сидящий перед вами маг, – снова кивок в мою сторону, – вопреки запрету, воскрешал усопших, ушедших от нас недавно. Именно поэтому его деяние было распознано не сразу. Итак, слово предоставляется обвинению. Старшина городской стражи, Вольф, вам говорить.

Со скамьи поднялся тот самый широкий парень в кольчужной рубахе, что привлек мое внимание одним из первых в этой пестрой толпе. Вопреки ожиданиям, он оказался невысокого роста, однако недостаток этот с лихвой компенсировал голосом. Как только Вольф открыл рот, мне больно ударило по ушам.

– Ваша честь! – загрохотал он, наделав, наверное, больше переполоха, чем обвинения в мой адрес. – Прежде чем начать, я хотел бы быть уверенным, что сохраненные кандалы сковали мага по рукам и ногам, и даже его поганый рот не откроется, чтобы навредить честному гражданину.

– Магистр Паладиус! – Внимание судьи переключилось на старика в смешных башмаках. – Вы удовлетворите наше любопытство?

Старик встал и бодрой молодой походкой подошел к клетке. Оглядев мою скрючившуюся фигуру и увидев тоску во взгляде, Паладиус довольно сообщил:

– Все в лучшем виде, ваша честь. Маг скован!

– Тогда приступим! – Вольф вышел к небольшой трибуне рядом с кафедрой судьи и громко прочистил горло. – Седьмого дня осеннего месяца практикующий белый маг по прозвищу Серый Кот был арестован на кладбище Трех Сосен во время разравнивания могилы усопшей девицы Брексли. Рядом с могилой присутствовали ее жених и отец, которые после задержания признались под присягой в следующем. Когда девица заболела черной чахоткой и отошла в мир иной, к ним явился Серый Кот и предложил свои услуги.

– Он предложил оживить труп? – с интересом перебил Вольфа судья.

– Не совсем. – Вольф сложил свои волосатые лапищи на груди, из-за чего кольчужная рубаха мелодично звякнула. – Серый Кот хитер. Данный маг пообещал безутешным родственникам связь с усопшей, для чего нужно было выкопать ее из могилы и поместить в соответствующий ящик в подвале дома старшего Брексли. Выехавшие по адресу солдаты нашли искомый ящик со следами земли, и он приобщен к делу как улика номер один.

– Но в чем же заключалась эта связь?

– Маг создал шар, в который он поместил образ девушки. Связь просуществовала, по утверждению родственников, почти три часа, после чего решено было захоронить девицу повторно. Сие деяние было произведено ночью, что всполошило ночного сторожа Арчи, который и вызвал городскую стражу.

– Замечательно! – потер руки судья.

– Другие преступления за Серым Котом числились?

– Да сколько угодно! – загрохотал Вольф, потрясая пудовыми кулаками. – Подобные шары с сущностями мы изъяли из десятка домов заблудших в потемках горя и утраты граждан, и все они подтвердили, что имели дело с этим человеком, – снова последовал театральный жест в мою сторону.

– Конечно, всем свидетелям разосланы повестки, и все они прибыли сегодня в здание суда! Ведь так секретарь Тари?

До этого не замеченный мной серый человечек, с выцветшими волосами и огромными очками на печальном лице, выглянул из-за своей конторки и утвердительно кивнул.

– Очень хорошо! – Судья вновь потер руки. – Тогда приступим.

– Господин судья! – С места поднялся бледный тип в тяжелом плаще в пол. Его белые волосы были зачесаны назад, а на длинных пальцах незнакомца посверкивало несколько золотых перстней с крупными камнями. – Вы ничего не забыли?

– Ах, вы, Грэм. – Судья печально вздохнул и кивнул в сторону трибуны, которую только что освободил Вольф. – Слово предоставляется защите.

«Уже неплохо», – промелькнуло у меня в голове.

Выйдя на указанное место, Грэм оглядел зал. Внимание собравшихся сейчас было приковано к нему, и он, отметив это, криво усмехнулся.

– Дамы и господа, – начал он нараспев приятным баюкающим баритоном. – Я, Грэм, представитель защиты этого человека, – снова указующий перст в мою сторону. – И я вам хочу сказать только то, что Серый Кот невиновен. Он никогда и ни при каких обстоятельствах не использовал некромантию. На его руках не обнаружено ни одного мерзкого снадобья, да и девица, которую он якобы оживлял, остается мертвой поныне. Этого человека обвиняют только в том, что он нашел новое колдовство, установил мост, абсолютно безопасный, позволяющий безвременно усопшим общаться со своими родственниками, а им не бояться, что их обманывают шарлатаны.

– Ну, допустим, – усмехнулся судья. – А какова польза от такого, с позволения сказать, колдовства.

– Польза от метода огромна. – Грэм сухо откашлялся в кулак. Камни в его перстнях в этот момент поймали солнечный луч, пробивающийся с улицы, и призывно сверкнули. – Умирает банкир, человек богатый, имеющий деньги, недвижимость и ценные бумаги. Завещание его не найдено. Что делать? Наследники устраивают свару, судятся, дерутся. Ни мира, ни спокойствия, и тут приходит Серый Кот, создает им проекцию их усопшего родственника, а тот уже

наводит порядок.

– Чушь! – взревел вдруг Вольф со своего места. – Ваша честь, я протестую! Мертвое должно быть мертвым. Что с духом усопшего мог сотворить иной мир никому не известно! Ну вспомните, хотя бы, пример с оживлением принца Герберта, который вместо того чтобы взяться за нерешенные проблемы, убил и съел трех своих малолетних сыновей!

Грэм перевел сердитый взгляд на Вольфа.

– Старшина, я не перебивал вашу вступительную речь.

– Это не речь, – зарычал стражник, однако немного сбавил тон, а затем и вовсе сел.

– А теперь к делу. – Грэм удовлетворенно кивнул. – Сегодня, ваша честь, я докажу, что обвинения в некромантии, примененные к подзащитному, ошибочны, а сам он ни в чем не виновен.

Судья выпятил нижнюю челюсть и некоторое время сверлил адвоката взглядом, но тот только улыбался и делал вид, что все хорошо.

– Приступим! – наконец решил он. – Обвинение, вы готовы вызвать своего первого свидетеля?

– С радостью, ваша честь! – вновь вскочил со своего места Вольф. – Мой первый свидетель Грег Брексли, отец умершей девицы, чье тело Серый Кот собственноручно закопал на кладбище, а после был задержан стражей. Лопата, заступ и свитки с заклинаниями, изъятые у него во время задержания, также приобщены к делу, как группа улики под номером два.

– Грег Брексли приглашается для дачи показаний, – пискнул из своего пыльного угла секретарь, и в тот же момент от толпы сидящих отделился дородный мужик лет пятидесяти, в длинном сюртуке, брюках и смешном головном уборе, больше смахивающем на английский котелок.

– Грег Брексли! – снова вступил судья. – Обещаете ли вы говорить только правду, и ничего, кроме правды, в этом священном зале закона и порядка?

Грег Брексли согласно кивнул.

– Тогда говорите все без утайки.

– А что тут рассказывать? – замялся свидетель. – Дочка у меня умерла. Я горевал, жених ее, Майки Соут, тоже, а тут возьми да подвернись этот вот Серый Кот.

– Человек, который вам, как вы говорите, подвернулся, находится сейчас в этом зале? – с торжеством в голосе поинтересовался Вольф.

– Вон же он. – Брексли указал в мою сторону. – Сидит в оковах. Приятный такой парень показался. За услуги денег не брал. Пришел просто и предложил свое колдовство.

– А приносил ли с собой Кот магические приспособления и смердящие снадобья?

– Ну... – замялся мужик, в смущении переминаясь с ноги на ногу. Сразу было заметно, что чувствовал он тут себя не в своей тарелке. – Дурно не пахло, а свитки приносил. Лопата у него была своя, заступ. Сказал, чтоб обязательно мы их использовали, коли хотим с дочерью перемолвиться.

– Пойдите, Брексли! – встрял в разговор защитник. – Вы сказали, что Серый Кот не просил для себя денег. Какую же благодарность он хотел за свой труд?

– Да, в сущности, никакой. – Брексли, будто провинившись в чем-то, развел руками. – Сказал, что пишет научный труд и просит моего разрешения упомянуть о дочери в своих бумагах.

– Маг читал заклинание над усопшей? – недовольный вмешательством адвоката, продолжил глава стражи.

– Читал, – признался безутешный отец.

– Вы общались с дочерью?

– Общался.

В зале вновь возбужденно заголосили, и судья с силой застучал молотком.

– У меня все, ваша честь.

– А вот у меня – нет! – Грэм встал со своего места и снова вышел вперед. – Скажите, уважаемый мистер Брексли, совершал ли Серый Кот какие-либо действия с телом вашей дочери, за исключением того, что вынул ее из могилы?

– Вот это нет, – растерялся мужик. – Он дочку и пальцем не тронул. Помогал только откапывать гроб да хоронить, а остальное мы с Майки ворошили.

– Странно. – На губах адвоката появилась улыбка. – Но, судя по определению некроманта, Коту требуется, как минимум, держать усопшую за руку.

– Нет, – покачал головой Брексли. – Не трогал он ее.

– У меня все, ваша честь.

Судья странно посмотрел сначала на Брексли, потом на меня и нехотя махнул рукой.

– Вы свободны, свидетель. Вызывайте следующего.

– Следующим свидетелем является эксперт в области магии, великий магистр Паладиус Длиннобородый!

Старик встал и, поклонившись публике, важно прошествовал на свидетельское место.

– Магистр, – зарокотал Вольф. – Вы изучили материалы дела и свидетельские показания?

– Самым пристальным образом, – подтвердил Паладиус.

- Нашли ли вы в материалах дела доказательства черной магии и некромантии?
- Более чем достаточно.
- Поясните подробнее.

Паладиус Длиннобородый приосанился и неспешно огладил свою бороду.

- Есть несколько составляющих колдовства. Первым является объект колдовства, то есть мертвая девица. Вторым является результат, иначе – разговор с ней. Третье же есть финализация или захоронение покойной в ее могиле. Сложив эти три фактора, я могу с уверенностью заявить, что черное колдовство имело место быть.

Голос снова подал Грэм:

- Магистр Длиннобородый, какую должность вы занимаете в академии магии?

Столь неподобающее обращение смутило старика, но адвокат, похоже, этого и добивался.

- Последние три месяца я являюсь деканом факультета стихийного волшебства.

- А что вы делали до этого? – Вопрос был явно с подвохом, однако ни судья, ни Вольф, ни сам свидетель этого не уловили.

- Проводил частные исследования.

- И, простите мою нескромность, – Грэм хитро улыбнулся, – в какой сфере?

- Погодные манипуляции. Моя диссертация так и называется – «Особенности применения стихийной магии в сельскохозяйственных и транспортных отраслях».

- А до этого вы занимались черной магией?

– Упаси меня высшая сила! – Паладиус в страхе замахал руками. – Я не практикую мерзкие колдовские приемы. Только белая магия, только на благо людей.

– Возможно, вы изучали работы, посвященные данному виду колдовства?

Паладиус Длиннобородый впал в ступор. Некоторое время он мучительно соображал, что ответить, и нехотя выдал:

– По некромантии не существует трактатов, известных публике.

Зал снова возбужденно загомонил.

– Но как вы определили, что действия Серого Кота подпадают именно под этот вид колдовства? Лекарское искусство порой связано с усопшими, а часть стихийной магии позволяет общаться с духами при помощи предметов-сателлитов. Если взять того же шамана из Южных земель, то его действия иначе как некромантскими не назовешь, а южан в городе великое множество.

– Но, как же... – опешил Длиннобородый.

– Протестую, ваша честь! – заревел Вольф, грозно потрясая доспехами. – Адвокат пытается запутать свидетеля.

– А мне вот интересно, – вдруг прищурился судья. – Действительно, свидетель. Как? Отвечайте на вопрос адвоката, и да, Вольф, ваш протест отклонен.

Глава городской стражи скрипнул зубами и вновь взгромоздился на свою лавку.

– Я же говорю, – забормотал в смущении великий магистр. – Есть составляющие...

– Которые могут попасть под область медицины и стихийное колдовство.

– Протестую, ваша честь! Адвокат отвечает за свидетеля.

– Протест принят. Грэм, сформулируйте вопрос по-другому.

– Хорошо, ваша честь. – На губах Грэма светилась победная усмешка. – Свидетель, вы можете подтвердить документально, на основании чего-либо, кроме собственных мыслей, что Серый Кот занимался некромантией?

– Нет... – сник Паладиус.

– А правда ли, что вам не предоставили ни одного черновика, ни одной записи или расчета, которыми мог пользоваться Кот в своем колдовстве? Некромантия, как и астрономия, – наука точная. Только гномья магия или магия поганых эльфов может быть стихийно-черной, а каждый расчет, каждый шаг черного мага рода человеческого обязан быть выверен до сотой цифры после запятой.

– Правда.

– У меня все.

Судья иронично покачал головой.

– Старшина Вольф, у вас еще остались свидетели?

– Нет, ваша честь, – развел руками здоровяк, заехав соседу по носу.

– А у вас, защитник Грэм?

– У меня остался один свидетель.

– И кто же это?

– Старшина городской стражи Вольф.

В зале повисла гробовая тишина, и скрежетание зубов обвинителя теперь можно было услышать особенно ясно.

– Не вижу ничего такого, что могло бы этому воспрепятствовать, – хохотнул судья. – У нас открытое слушание.

Вольф вынужден был встать и, бряцая доспехом, отправиться на место свидетеля. По пути он наградил сначала моего защитника, а затем и меня таким полным злости взглядом, что если бы это происходило наяву, а не в моем горячечном бреде в медикаментозной коме, то на мне точно появилась бы дырка.

В ходе его шествования я ощутил неприятное покалывание в боку. Ощущение это мне не понравилось по той простой причине, что во сне тебя ничто не должно беспокоить. Ты можешь волноваться, переживать, бояться, в конце концов, но только не испытывать болевые ощущения. Решив наконец проверить свою теорию, я сделал единственное, что мог в тот момент. Прикусил себе щеку изнутри. Как следует прикусил, чтобы ощутить в полной мере, и, спасибо тем людям, что не позволяли мне каким-то чудом разговаривать, ощутил такую боль, что в глазах потемнело.

«Это не сон. Вашу мать, это не сон! – пронеслось красной пунктирной линией у меня в голове. – Тогда где же я, кто эти люди и почему я за решеткой?»

– Клянусь говорить только правду и ничего, кроме правды! – прогрохотал Вольф, с нескрываемым презрением поглядывая на адвоката. Лоб старшины исчертили уродливые морщины, а на лице ходили желваки. Похоже, глава стражи был не на шутку взбешен, и только публичное место и возможные последствия останавливали его от необдуманных действий.

– Ваше слово, защитник. – Судья удобнее устроился за своей кафедрой, скрестив ноги в «веселеньких» штанах, и, похоже, в первый раз за все слушание был воодушевлен и заинтересован.

– Спасибо, ваша честь. – Адвокат обратил свое внимание к Вольфу. – Скажите, старшина, когда вы арестовали Серого Кота, при нем были бумаги...

– Конечно, были!

– Подождите. Это не весь вопрос. Были ли при Коте бумаги, схожие с записями и выкладками магов?

Вольф шумно выдохнул через нос.

– Не было.

– А снадобья, традиционные некромантские снадобья, список которых имеется в разделе запрещенных в любом магистрате или учебном заведении?

– Нет.

– Присутствовали ли вы, или кто-то еще из здесь находящихся, в момент пробуждения и оживления усопшей? Были ли вы свидетелем того, что усопшая встала, открыла глаза или по-иному проявила то, что ожила?

– А как же шар? – опешил от такой наглости Вольф.

– Шар – это сателлит, голос, нечто постороннее. С таким же успехом можно было бы обвинить эхо в картавости.

В зале слышались первые робкие смешки, и я в первый раз за все время увидел, что откровенно неприязненные и злобные взгляды, которые публика бросала на меня, сменились наконец удивленными, а порой и сочувственными. Кое-кто даже начал понимающе качать головой и делать мне ободряющие знаки. Щека болела. Я был за решеткой и парализован. Меня судили за то, что я не совершал. Очень достоверная, подробная кома. Быть беде.

– И последний вопрос. – Адвокат буквально сиял от счастья. – Найдены ли были при моем подзащитном, а также в комнате, что он снимал, артефакты, снадобья и тотемные предметы, как то: сердце летучей мыши, глаз василиска, замороженный крик петуха или молочные перепонки нетопыря?

Вольф сжал кулаки так, что ногти врезались в ладони и на пол упала алая капля крови. В моем мозгу вдруг что-то вспыхнуло, тревожно забило раненой птицей, и я явственно почувствовал: «Нельзя оставлять кровь. Опасно. Убрать, затереть, выжечь кислотой». Мысли эти принадлежали не мне и ввели меня в состояние полнейшей растерянности.

Тем временем мой адвокат продолжал наступать.

– Так что, уважаемый Глава? Было ли хоть что-то из перечисленного мной или то, что господин консультант, – кивок в сторону Длиннобородого, – мог бы счесть за принадлежности и компоненты, используемые в некромантии?

– Нет, – вымученно, сквозь зубы выдал Вольф.

– У меня все, ваша честь.

Это было чистой воды безумием, бредом, галлюцинацией. Можно было сослаться на это, и я тщетно цеплялся за крохотный шанс своей привычной реальности. Казалось бы, еще немного – и тебе в глаза ударит свет фонарика, а кто-то мутный, через марлевую повязку, произнесет: «Зрачки реагируют на свет». Этого не происходило. Скамья была жесткой, во рту – неприятный привкус крови, и в боку отчаянно кололо из-за невозможности поменять позу.

Сначала выступал обвинитель. Вольф рвал и метал, поносил меня грешного, Грэма и любое проявление магии. Речь его была пылкой и подошла бы для площади, с факельными шествиями и пением гимнов. Зал проводил здоровяка бурей аплодисментов. Далее говорил Грэм, и вопреки напыщенным речам старшины он оперировал сухими фактами, за что тоже сорвал бурю оваций.

– Суд удаляется на время для вынесения приговора, – пискнул секретарь из пыльного угла, и, как только человек в парике и смешных штанах вышел, в зале поднялся гвалт.

Грэм тем временем подошел к моей клетке и довольно кивнул.

– Держись, Кот! – довольный собой зашептал адвокат. – Одна высокопоставленная особа заинтересована в твоей защите, в обмен на некоторые услуги. Если я выиграю дело и ты поможешь, то золота у тебя будет больше, чем ты можешь себе представить.

Я в отчаянии замычал, однако мои потуги были ошибочно приняты за согласие, и Грэм кивнул и неспешно удалился. Время тянулось медленно, даже разговоры в зале успели затихнуть, и, когда собравшиеся начали было скучать, снова появился судья.

– Суд идет!

Все снова повскакивали с мест, послышалось шарканье ног и скрип отодвигаемых скамей. Сидящим остался только я, и мне, признаюсь честно, роль безмолвной куклы начала надоедать.

– Я вынес решение, – произнес мужчина в парике.

В голове моей мелькнуло: «Вот сейчас мне дадут последнее слово, и я попытаюсь доказать этим людям, что все это досадное недоразумение и все само собой разрешится», однако суд этот был какой-то неправильный, так же как и все, происходившее вокруг.

– Я изучил все предоставленные материалы, – хорошо поставленным голосом профессионального оратора начал оглашать свой вердикт человек в веселеньких штанах. – Учел предоставленные доказательства и отсутствие таковых, а также выслушал доводы защиты и обвинения и постановил...

Судья выдержал театральную паузу, стараясь накалить обстановку до предела, что у него с успехом получилось. В воздухе буквально звенел вопрос, и все без исключения устремили свои взгляды на судью, жадно ловя каждое его слово.

– Маг и кудесник, по родовому прозвищу Серый Кот, из рода Котов и школы Кота, ранее известный как Карл Монтегю, выпускник академии магии и подданный его величества, обвиненный в использовании запретной в королевстве некромантии...

Слова судьи звучали внутри моей головы похоронным боем.

– ...в силу всего вышесказанного, признается виновным в занятии магией порочной, черной и запретной!

Снова воцарилась тишина, и я услышал, как кто-то из особо впечатлительных слушателей грохнулся на пол.

– Однако, учитывая безгрешное прошлое Карла Монтегю и рекомендации его преподавателей и клиентов, я вынес следующее. Маг Серый Кот лишается

своего истинного имени, и никто более не вправе называть его именем, данным от рождения. Клеймом ему будет имя Дома, и все, кто с ним будут общаться впредь, под страхом смерти не назовут черного колдуна светлым человеческим именем, данным отцом и матерью при рождении! Так же подсудимый, Серый Кот, приговаривается к мере наказания в виде заключения в тюрьме «Черные скалы» сроком на десять лет, без возможности обжалования данного приговора в любой вышестоящей инстанции. Приговор вступает в силу немедленно.

Осознав, что я только что получил срок за какого-то Серого Кота, будь он неладен, и вынужден буду находиться в тюрьме, я еще более опешил, когда увидел, что все, вместо того чтобы поздравлять Вольфа, бросились хлопать по плечу и жать руку адвокату.

Глава 3. Дворцовые интриги и прочие недостатки

Как я оказался в камере, не помню. Серые каменные стены, испещренные странными надписями и пентаграммами, крохотное зарешеченное окошко под потолком, в которое могла проскочить разве что мышь, да грубо сколоченные нары, заваленные гнилой соломой, вот и весь антураж моего узилища. Совсем забыл про смердящее человеческими испражнениями отверстие в дальнем и самом грязном углу камеры. Несло от него так, что мне пришлось даже закрыть рукой нос. С этим жестом пришло осознание того, что я более не безвольная марионетка. Я вскочил и бросился к двери, а когда оказался рядом, что оказалось не сложно – камера моя была едва ли три шага в длину, меня вдруг отбросило назад, и я сильно приложился головой о камень.

– Твою мать! – взвыл я, и в тот же момент за дверью послышался довольный смешок.

– Ну, ты, некромант, даешь. Это надо же такое, на защитную пентаграмму прыгнуть. Видать совсем со своим черным колдовством головой повредился.

Я перевел злобный взгляд на дверь и увидел, что через маленькое окошко, зарешеченное прутьями, на меня кто-то смотрит.

– Очень смешно! – рыкнул я и, потирая ушибленный затылок, уселся на нары. – Долго я тут буду?

– А это как пойдет. – Веселые глаза мигнули. – Если стряпчий окажется резвый, то пару дней, а если затянется, то и пару месяцев у нас посидишь. К тому же траур.

– Какой еще траур? – нехотя поинтересовался я у незнакомца.

– Ну, ты дремучий, – подивился обладатель глаз, стоящий за дверью. Желтые, с красными прожилками белки задвигались, будто ненастоящие. – Его величество король Патрик Второй отбыл в мир иной, и в королевстве траур. Танцы не танцуют, музыку, кроме печальной, не играют, заведения казенные не работают, и даже палачи переменили свои колпаки с красных на черные, в знак уважения и печали.

Вдруг за дверью моей камеры послышались шаги и спешная возня служки, после чего противно скрипнул замок.

– Вот он. – Мой адвокат впустил перед собой невысокого сутулого человека, чье лицо тонуло в густой тени огромного капюшона. Плащ фактически волочился по земле, а из-под него выглядывали явно недешевые кожаные сапоги.

Грэм поспешно вошел за неизвестным, и дверь за ними закрылась.

– Серый Кот, значит, – произнес человек властным, жестким голосом. – Очень любопытно.

– Грэм, – возликовал я, увидев первое за все это время знакомое лицо. – Ну, вы то умный, образованный человек. Вы же должны понимать, что никакой я не Серый Кот!

– А кто же ты? – опешил адвокат.

– Майор Котов я, – печально поделился я, читая на лице своего нового знакомого недоверие. – Сергей Котов. Человек. Обычный, никакой я не маг и уж тем более не некромант. Я о таких только в книжках читал. Я – солдат, понимаете!

Военный! На гранате подорвался.

– Не обращайтесь внимания. – Адвокат уважительно кивнул человеку в капюшоне. – У магов это случается.

– Что случается? – в сомнении спросил незнакомец.

– Помутнение рассудка.

– А мы сейчас проверим. – Человек скинул капюшон, и передо мной предстало молодое лицо, с аккуратно подстриженной бородкой и рыжей челкой. Лет человеку было не более тридцати.

Некоторое время мы обменивались взглядами, после чего незнакомец заявил:

– Он меня не узнает.

– И правда, – хохотнул адвокат. – Кот бы, ваше высочество, узнал бы своего принца, а этот как баран на стенку вылупился.

– Ты там поосторожнее, – огрызнулся я, зло взглянув на Грэма. – Там, откуда я родом, за такой спич и зубы проредить могут.

– Ишь ты, какой бойкий, – снова хохотнул адвокат. – Только не забывай, что эти пентаграммы на стенах плотно держат тебя... – Тут адвокат взвыл от болевого приема на запястье, который я на нем с успехом провел.

– Бойкий, говоришь, – зашипел я, не обращая внимания на удивление его высочества, который с нескрываемым интересом следил за нашей перепалкой. – Десять лет значит, в каменном мешке...

– Руку больно! – заголосил Грэм не своим голосом. – Отпусти, урод!

На крики адвоката явилась стража, но принц, вместо того чтобы позволить им вмешаться, властным кивком отослал солдат прочь. Снова задвинулась задвижка, скрипнул замок и послышались шаги разочарованных громил.

– Отпусти его, кто бы ты ни был! – произнес его высочество, и это, что удивительно, подействовало на меня самым гипнотическим образом.

Я ослабил хватку, и адвокат отскочил в сторону, злобно поглядывая на меня и потирая больную конечность.

– Интересно. – На губах принца появилась легкая улыбка. – Значит, ты не Кот, а совсем другой человек? И как же это произошло?

Я присел на топчан и как можно более подробно выдал свою историю. Принц слушал внимательно, доверительно кивая, а адвокат, потеряв свой лоск и наглый вид, скептически качал головой.

– Слышал я что-то подобное, и даже в летописях читал, – поделился принц, когда я закончил рассказ. – Будто бы есть другой мир, с нашим связанный тесно, но перейти из одного в другой возможно только в момент острый, почти смертельный. Ты лучше вот что скажи: ты помнишь хоть что-то из того, что помнил Серый Кот? В частности, меня интересует его метод разговора с усопшими.

Я в сомнении нахмурился. Мысли в голове были разные, отрывочные, и иногда мне даже казалось, что принадлежат они вовсе не мне, а какому-то совершенно другому человеку.

– Нет, – после недолгого раздумья поделился я со своим собеседником. – Отрывки, осколки, сущая чехарда.

– Ваше высочество! – не выдержал адвокат. – Врет все этот гад! Век мне гонорара не видать! Хочет по дурке откосить, чтобы его в лечебницу поместили, а оттуда он сбежит и в лесах исчезнет.

– Позвольте представиться, – не обращая внимания на слова Грэма, его высочество протянул мне руку. – Принц Альберт, урожденный Воллис. Один из претендентов на трон королевства.

– Майор Котов. – Я протянул руку, отметив, что у принца крепкое рукопожатие.

– Вы, наверное, догадались, – печально улыбнулся Альберт, – что Грэма нанял я. Вам, как некроманту, вряд ли бы грозил серьезный защитник, и, кстати, ваш адвокат провел это дело блестяще и молниеносно.

Сопящий в углу Грэм благосклонно кивнул, услышав похвалу в свой адрес.

– И что же блестящего в десяти годах заключения? – решил усомниться я.

– А то, – снова улыбнулся принц, – что по законам королевства за черное колдовство предусмотрено наказание в виде отсечения головы с последующим четвертованием, и никак иначе. Впрочем, бывают варианты. Мага можно замуровать заживо в специально подготовленном саркофаге или сжечь заживо. В разных графствах свои любимые способы расправы. На юге, например, тебе надели бы на голову мешок и пустили бы по гати, с зыбучей трясинной. Руки бы завязали на спине. Вся суть этой казни в том, что у несчастного остается надежда на спасение. Условие там одно: пройдешь по дороге не оступившись, и все грехи тебе спишут, однако я не припомню ни одного счастливчика.

– А смерть в трясине страшна и мучительна, – злорадно поддержал принца адвокат. – И если бы не я, то тебе бы, волчья сыть, поутру голову твою буйную оттапали.

– Тут другое, – вновь вступил Альберт, и адвокат почтительно замолк. – Я рассчитывал на твою помощь. Отрывки сведений о методе разговора с умершими говорят о том, что метод точен. Обратиться я решил к тебе, или, лучше сказать, к Серому Коту, по очень важному делу. Все знают то, что мой дражайший папенька ушел в мир иной, однако не все догадываются о том, что прямых распоряжений о наследовании престола он не оставил. Точнее, не то чтобы не оставил, а завещания просто не нашли.

– А я тут при чем? – искренне удивился я.

– Дело в том, – принц повел бровью, и на лице его отобразилось сомнение, – что у моего отца было два сына. Я, и мой единоутробный брат-близнец Фалько. Родились мы вместе, а матушка наша, несчастная, умерла при родах. Отец же, видимо, когда сознание его помутилось от горечи утраты, поступил не так, как подобает, и оставил в живых не одного из нас, а обоих. Росли мы с Фалько вместе, ездили на охоту бок о бок. Сидели за одним столом на пирах, учились в

одном университете. Однако всему есть предел, а когда речь заходит о престолонаследии, тут не до сантиментов. И я и Фалько понимали, что когда-нибудь придется вступить в схватку за престол. Ведь малодушными мы никогда не были, и каждый из нас, не проходило и дня, мнил себя с короной на голове.

Несколько недель назад отец наш заболел и скоропостижно скончался. Скорбь от утраты не освобождает от государственных дел. Канцлер и советник нашего отца, Ральф Ламбер, решил вскрыть завешание покойного, чтобы понимать, для кого впоследствии готовить коронацию и кому подписывать бумаги. Однако завешание не нашли, и сейчас двор расколот на два враждующих лагеря, а когда эта весть просочится за пределы дворца, то не миновать гражданской войны. Ни я, ни Фалько не собираемся уступать друг другу, да и бароны разделились почти поровну, а колеблющиеся не внесут особой лепты в наш с братом спор. Что я хочу от тебя, Кот? Контакта с батюшкой. Вспомни свои навыки, загони его дух в шар, да так, чтобы никто не сомневался, что это именно покойный король, и я во всеуслышание попрошу назвать имя преемника.

– Но я ничего не знаю, – развел я руками. – Я Сергей Котов, а никакой не Серый Кот, и все эти магические штуки для меня словно сказка.

– Это осложняет дело. – Принц стал серьезным и хмурым. – Траур будет длиться тридцать дней, после чего нужно будет объявить преемника, а за это время тебе нужно будет вспомнить свой секрет. Я же, со своей стороны, если батюшка укажет на меня, подпишу указ о твоём помиловании. Верь мне, Котов. Альберт своих не бросает.

С одной стороны, предложение венценосной особы было весьма привлекательно. В своей прошлой жизни я никогда не общался с властями предержащими столь высокого уровня, хоть и отлично понимал, во что может вылиться дружба с будущим королем. Если уж и обустроиваться в этом горячечном бреду, то со всеми удобствами. Осложняло перспективы то, что Альберт требовал от меня невозможного. Я не то чтобы не мог этого сделать, а даже не представлял, с какой стороны приниматься за дело.

– Ваше высочество. – Адвокат кашлянул в кулак. – Я не уверен, что ваш план столь строен, как нам бы всем хотелось.

– Поясни! – В голосе Альберта скользнули стальные нотки.

– Ваш брат. Вы уверены, что он не знает о Сером Коте? А что, если он в курсе, что чаша весов в случае эксперимента не склонится в его пользу? Голос из магического шара конечно не доказательство, но лишний козырь. Отдав его вам, он лишится части поддержки, а это ему вовсе ни к чему. Серый Кот становится проблемой, а проблемы подобного толка решаются просто. Наемный убийца – самый простой вариант, а если Кота переправят в тюрьму, то проживет он там не больше недели. Вы уж мне поверьте, я знаком с тюремными порядками.

Вот тут-то я действительно струхнул. В свое время, в часы досуга, я почитывал фантастические романы про неких «попаданцев». Человек там попадал в прошлое, будущее или параллельный мир и, вжившись в новую шкуру человека, зверя или другого персонажа, становился великим воином, страшным диктатором или, как в моем случае, некромантом. Однако то были книги, и доброй волей автора все выживали и становились только лучше. В моем же случае все было совсем по-другому. В мозгу вдруг мелькнула шальная мысль, вопрос, ответ на который расставил бы все на свои места.

– Ваше высочество? – обратился я к принцу. – У вас не будет зеркала?

Принц прищурился и, порывшись в своих карманах, вытащил продолговатую коробочку.

– Это моя табакерка, – пояснил он, протягивая мне изящную, похоже, серебряную вещицу с причудливым растительным орнаментом. – Внутренняя часть крышки отполирована, так что вполне может вам подойти.

Я благодарно кивнул и, приняв табакерку, отщелкнул крышку. Все. Приплыли. Я попал. С полированной серебряной поверхности на меня смотрело совершенно незнакомое лицо. Тонкий нос, глубоко посаженные зеленые глаза, выдающиеся скулы и белые, будто нарочито выбеленные волосы. Я оказался альбиносом из той породы, что даже при дневном свете смотрятся как упыри, а уж в плохом освещении камеры и подавно. На моем новом подбородке виднелся крохотный, давно заживший и еле различимый шрам. Такой же имелся под правым веком и на шее. Ни бороды, ни усов, слава богу, не было. Человек, смотрящий на меня из отражения, никогда не был майором Котовым. Он был Котом, а уж Серым там или другого цвета – без разницы. Вот значит, какой я попаданец – от слова «попал».

На следующее утро меня снова посетил адвокат. На этот раз он привел с собой полноватого суетливого старика в просторных одеждах и сандалиях на босу ногу. Волосы на голове пожилого человека были аккуратно забраны в конских хвост, а на шее у посетителя висело несколько цепочек с различными кулонами.

– Что пожаловал, Грэм? – поинтересовался я, едва нога адвоката оказалась за порогом.

– Проверить надо, – сухо бросил он. – Вот мистер Виртус, специалист по таким вот закидонам. Тот, с кем ты вчера говорил, желает убедиться в надежности вложений и перспективе инвестиций.

То, что Грэм перешел на финансовый жаргон, меня отнюдь не смутило. Совершенно понятно было, что Альберт хотел удостовериться в моих словах.

Виртус без приглашения бухнулся рядом со мной на нары.

– Лежите смирно, Кот, – отрывистым дребезжащим фальцетом выдал старикашка. – Не осложняйте мне жизнь. Процедура безболезненна, однако на практике применялась пару раз за всю историю магической академии, так что придется потерпеть.

Терпеть пришлось почти полтора часа, а то и больше. Часов у меня не оказалось, так что определить время продолжения экзекуции у меня возможности не было.

Виртус начал с внешнего осмотра, потрогал лоб, посчитал пульс, попросил открыть рот шире и зачем-то пересчитал мои зубы. Потом он перешел к измерениям, и с помощью портняжного метра обмерил меня от макушки до пят, профессиональными четкими движениями портного или, что скорее, гробовщика. Далее он с пристрастием расспросил меня о снах, а потом начал задавать и вовсе странные вопросы. Мол, сколько мне лет, какого цвета сыр или, если сложить два воза брюквы и три корзины яблок, сколько свиных хвостов у меня будет на выходе. Бред этот больше походил на работу с больным психиатра, так что я отнесся ко всему к этому весьма скептически. Самое интересное началось в финале осмотра. Заставив меня встать посреди камеры, Виртус очертил вокруг меня круг и принялся закидывать туда камешки. Одни сразу падали на землю, совсем рядом, другие отскакивали, а когда мне уже совсем надоело это развлечение, старик размахнулся и швырнул в меня

здоровым синим кристаллом. Я инстинктивно закрыл лицо руками и попытался отклониться, однако ничего не произошло. Камень просто завис в воздухе и некоторое время крутился вокруг меня будто вертолет, после чего плавно, почти величественно выплыл за пределы круга и уже там рухнул в пыль.

Виртуса было не узнать. Он сначала побледнел, потом покраснел и, казалось, даже похудел.

– Ну что там, мастер? – с интересом поглядывая на приключения синего камня, поинтересовался Грэм.

– Ничего не понимаю, – проблеял Виртус, подбирая кристалл с пола. – Камень принадлежности работает только на демонах и одержимых, однако перед нами ни то и ни другое. Разум обследуемого не замутнен, и никакой посторонней сущности внутри его нет. За это я могу ручаться.

Грэм с нескрываемым интересом взглянул на меня, а уже через секунду дверь камеры захлопнулась за спиной этой парочки.

Утро третьего дня началось с ранней пробудки. Сначала распахнулась крохотная дверца в самом низу, и чья-то рука с траурными ногтями подсунула поднос с миской похлебки и двумя кусками черствого хлеба. Приборов предусмотрено не было, так что за свой второй завтрак в этом мире я принялся на восточный манер – отхлебывая похлебку и помогая себе хлебной коркой. Кормили тут, слава богу, не так уж и плохо.

Я прислушивался к возне за дверью, пока наконец не услышал отчетливые шаги стражи.

– Серый Кот! – рыкнул кто-то за дверью, и в этом оре я без труда опознал моего обвинителя, Вольфа. – Приготовиться к транспортировке. Руки вперед, не двигаться. Любое действие, не разрешенное мной, будет трактоваться как побег, и мы применим оружие.

Дверь распахнулась, и глава стражи, бряцая кольчугой и надсадно дыша, ввалился в мою камеру, заполнив собой все свободное пространство. В руках

Вольф сжимал железные оковы, испещренные надписями. Тяжелая цепь, соединяющая их, бряцала в унисон снаряжению стража, и шум поднялся невыносимый.

Тяжело вздохнув, я отставил пустую миску в сторону и протянул руки вперед.

– А ну, за спину, некромант, – загрохотал Вольф. – А то знаю я вас, висельников. Того и гляди врежете цепью по макушке.

Я пожал плечами, отчетливо понимая, что спорить с моим пленителем бессмысленно, развернулся спиной и позволил надеть на свои запястья оковы. Снова пришло состояние оцепенения, а с ним и мысль о том, что мое странное приключение скоро подойдет к концу. Меня отвезут в тюрьму, там я нарвусь на наемного убийцу, действиям которого не смогу противостоять, и после удара в живот острым ножом вновь окажусь на больничной койке, в окружении белых простыней и хорошеньких медсестер в форме. Был вероятен, конечно, и другой вариант развития событий – транспортировка моего тела на кладбище и конец моего земного существования. Однако после разговора с принцем я был настроен позитивно.

– В «Черных скалах» тебе понравится, парень! – забасил Вольф за моей спиной. – Каменный мешок, окруженный десятью кольцами магии, защищенный от любого воздействия. Четыре башни населены огнедышащими гадами, которые готовы испепелить любого, кто подойдет к ним близко, а вокруг стен бездонный ров, наполненный водой. В нем живут плотоядные твари, только и ждущие, чтобы какой-то глупец решил пересечь ров вплавь. Десять минут в день тебе будут позволять выходить во внутренний дворик для прогулки, и только тогда сквозь сетку из кованых прутьев ты сможешь видеть голубое небо.

Сдерживающее колдовство в этот раз было другого порядка. После того как на меня надели браслеты, все вокруг будто бы подернулось дымкой. Звуки стали мягче, свет слабее, и даже унылое узилище мое казалось теперь не таким уж и плохим вариантом. Грохот голоса Вольфа я слушал, будто сквозь ватное одеяло, казалось, что он где-то далеко, и все неприятности, которые он может мне причинить, не что иное, как мираж, иллюзорная фантазия того, что никогда не произойдет. И да, я, похоже, бредил. Тем временем мое затуманенное колдовством сознание понимало, что в «Черных скалах» мне не выжить, даже с моей физической и боевой подготовкой. Я уже ощущал на себе силу колдовства, сидя на скамье обвиняемых, и вовсе не желал испытать это повторно.

Принц Альберт пришел и ушел. Адвокат появлялся за все это время несколько раз, вынюхивая, выведывая, приводя с собой странных людей, задающих нелепые вопросы, однако ничего конкретного мне сказано не было. В голове неторопливо ворочались мысли, и пока мы шли по коридору, точнее стражи шли, а я еле волочил ноги, одна из этих неуклюжих мыслишек начала расти, распространяться, пока не заполнила мое сознание окончательно.

«Тюрьма – это смерть, – нашептывал кто-то внутри моей черепной коробки. – Тебя там отравят или заколят, не слушая твоих глупых историй про майора и другой мир. Никто тебе не поверит, Котов. Ты опасность. Умения того, чье место ты занял, опасны и нужны. Сколько финансовых споров он мог бы решить? Сколько тайн открыть, сколько кладов обнаружить? Кота боятся, а убьют тебя, Серега. Вы единое целое. Ты же смотрел на себя в зеркало. Беги, Котов, беги куда глаза глядят. Сними наручники, замок у них простой. Ты сможешь это сделать даже с руками за спиной, а потом бей по голове этого идиота Вольфа и беги что есть силы. Куда? В лес, в поле, вниз или вверх по реке. Это же самый обычный мир, хоть и с магией. Тут должны быть реки, поля, леса, места, где можно спрятаться до времени».

Яркий дневной свет ударил мне в глаза, сорвав пелену задумчивости, и я понял, что попал во внутренний двор. Широкий, с десятком телег, конюшней, огромной копной сена и яслями для лошадей, он показался мне сейчас самым великолепным пейзажем из тех, что я видел за последние несколько дней. Голубое небо с барашками облаков проплывали над головой неспешно и неторопливо, солнце припекало, ласково касаясь открытых участков кожи своими лучами. Даже лица стражей показались мне не такими уж и неприятными. Обычные служивые бездари, которых я на своем веку повидал немало.

Потом что-то щелкнуло в голове, и я с удивлением понял, что кандалы с меня снимают.

– Значит так, – услышал я чей-то голос. – Ты не дергайся, парень. Я один замок отопру, а ты виду не подавай. В нужный момент фургон остановится, и я по борту ударю. Вот тут ты и тикай. Вот тебе еще записка от твоего благодетеля. Надо же было такие деньжищи отвалить.

Я действительно почувствовал, что один из браслетов стал слабее, а пелена, сдерживающая мою волю и сознание, начала спадать. Остался легкий дискомфорт, но это было терпимо. В ладонь мне сунули клочок бумаги, и, чтобы не искушать судьбу, я зажал его в кулаке.

Увидеть своего благодетеля я не смог. С десяток солдат в поблескивающих на солнце доспехах прошли мимо, чеканя шаг и громокая здоровенными ростовыми щитами. Остроконечные шлемы служивых были украшены лисьими хвостами, а на плащах был вышит профиль какого-то животного, больше походящего на медведя. Воспользовавшись данным фактом, таинственный доброжелатель ускользнул, так и оставшись незамеченным. Меня, правда, это не волновало.

Солдаты под предводительством Вольфа повели меня в сторону фургона, накрытого сверху тканью. В упряжку этой конструкции впрягли четверых черных лошадей. Животные стригли ушами, переступали с ноги на ногу, и только бдительность кучера не позволяла им сорваться с места. Подойдя к откинутому заднему борту, я обнаружил, что в фургоне уже сидят люди.

– А ну, парни, грузите некроманта, – отдал команду глава стражи, и чьи-то руки, подхватив меня, будто тряпичную куклу, бесцеремонно закинули внутрь повозки. Пришлось сильно изловчиться, чтобы никто не подумал, что я освободился от дурмана. Локтями пришлось пожертвовать – синяки и ссадины я заработал честно...

Борт за мной захлопнулся, слышалась перебранка, и, качнувшись, наш «автозак» тронулся. Удивительно было другое. Не слышно было ни гула машин, не ощущалось выхлопных газов и прочего смрада, свойственного большому городу. Солдаты были одеты странно, как, впрочем, и все остальные, однако признаков наличия огнестрельного оружия не нашлось. Улица, по которой мы ехали, была узка, и телега еле проходила, то и дело цепляясь дощатым бортом за подоконники, руша стоящие на них горшки с цветами. Все это сопровождалось недовольными криками пострадавших. Автомобилей, антенн на крышах, сотовых телефонов в руках и других неизменных атрибутов двадцать первого века я тоже различить не смог. Мир Серого Кота в корне отличался от мира Сергея Котова и отставал по техническому развитию лет на триста. Одно отличие в пользу местных все же было. Город был хоть и средневековым, о чем явственно указывали приземистые строения с черепичными крышами, смешная одежда жителей и предпочтение конной тяге, но был при этом удивительно чист. Не было запахов гнили, испражнений, по городу не бродили нищие со

страшными язвами на теле и не протягивали к тебе корявых пальцев, выпрашивая милостыню. Все были опрятны, а зубы жителей были удивительно здоровыми и белыми.

Мир Кота был похож на некую лощеную копию, вариант попаданства в книгах, где особо не заботятся о деталях. Все там ходят с оружием, едят с ножа, крутят любовь с красотками и неизменно выигрывают любой спор, бой или масштабное сражение, встав вдруг во главе огромного войска. Вариант этот мне нравился, однако чувствовался подвох. Очень скоро телега остановилась, и я с удивлением втянул носом воздух. Вот он, смрад и гниение, разложение с примесью ртути. Вот они, чумные доктора, костры, визжащие ведьмы и хохочущие уроды, кутающиеся в обноски.

Что-то тяжелое скрипнуло, потом загрохотало. Послышались команды и резкие щелчки, похожие на работу арбалета. Кто-то отчаянно взвизгнул, зашлепали босые ноги, и фургон снова двинулся вперед. Мы выезжали за стену цивилизованного мира. Граждане этого города отгородились от всей земной скверны, выставив за порог тех, кто не хотел или не мог им соответствовать. Высокая стена, метров в тридцать, не меньше, и толщиной разве что не в свою высоту, позволила мне немного попривыкнуть к запахам мира стандартного, того, который обязан был здесь существовать. Тут я нашел еще одно отличие мира лощеного от мира истинного. Звуки тут были резче, четче, честнее, да и дискомфорт от магии стал проходить. Один из моих товарищей по несчастью, рослый крепыш с блестящей лысой головой, облаченный в куртку, короткие штаны и сандалии на босу ногу, пришел в себя первым и тяжело заворочался.

– Где мы? – сорвалось с его губ, и я бросил нехотя:

– За стеной.

Парень засмеялся в пустоту.

– Выбросили-таки господа маги, выставили из своего рая. Я ведь налоги платил, кусок земли этот кровью и потом зарабатывал.

– Тебя зовут-то как? – поинтересовался я. Остальные пленники все еще не могли очухаться, а мне нужно было скоротать время до условного сигнала.

– Кросом кличут, – сказал лысый парень и, повернувшись ко мне, продемонстрировал первый выбритый подбородок, который я смог увидеть в этом мире. – А тебя?

– Котом, – почему-то выдал я. Не знаю, что меня в тот момент подтолкнуло назваться чужим именем. Решение пришло из пустоты, и голосовые связки выдали эти слова.

– Котом, значит? – Парень примостился к стенке и кивнул. – Голова не соображает. Будто влили что из дурмана.

– Кандалы, – пояснил я. В отличие от меня руки у Кроса были скованы спереди, и он смог внимательно рассмотреть свои путы.

– Вижу. – Лысый скривился. – Маговские закорючки, будь они неладны. Видать, уехали уже от башни, раз стало отпускать.

– Ничего не понимаю, – покачал я в растерянности головой. – Поясни.

– Приезжий, и сразу в тюрьму? – Лысый немного оживился от этой вести и даже попытался хохотнуть. Вышло жалко. – Ладно. Ехать нам еще порядочно. Я тебе расскажу. Славный город Илинор стоит вокруг королевского дворца, а там башня с сохранными кристаллами. Действие этой башни таково, что любое использование колдовства на территории города безопасно и не затратное для мага. Потому его там и используют на всю катушку. Попробуй почисти улицу заклинанием вдали от артефакта, ляжешь пластом на неделю. Зато тут вольному воля, и даже самый неумелый колдунишка творит чудеса. С путами вот этими нам не повезло. С ними не разгуляешься, даже самую толику магии толком не применишь. Закорючки маговские будут мешать, будто песок попавший в ботинок.

– Интересно, – усмехнулся я, пропустив часть тирады про путы мимо ушей и вычленив для себя самое главное. – И везде так?

Крос пожал плечами.

– Время колдунов прошло. Остались недоучки с толстым кошельком. Три города на континенте имеют магические башни, и там обитает с десяток бездарей. Поговаривают, впрочем, что в лесах, где-то на западе королевства, в чаще непролазной еще живут настоящие маги.

– Все равно не понял, – покачал я головой.

– Ну как тебе объяснить. – Лысый брякнул кандалами, устраиваясь удобнее в тряске фургона. – Ну, представь себе, что ты художник, поэт, писатель... – Крос замялся. – Человек, у которого есть дар. Чем ближе ты к артефакту, тем больше у тебя вдохновения, и тем невероятней и удивительней твои работы, но стоит тебе шагнуть в сторону – и на выходе получается беспросветная чушь. Вот потому и трутся вокруг артефактов разные пройдохи, греясь в лучах славы собственной бездарности.

Глава 4. План побега и его воплощение

Я разговаривал с Кросом, однако и за обстановкой следить не переставал. Дома вокруг были мрачные, с закопченными фасадами и крохотными оконцами, затянутыми какой-то странной дрянью. Попадавшие нам навстречу люди пытались кое-как убраться с пути фургона и его сопровождающих. Ехали мы с эскортом. Едва телега пересекла магическую стену, как к нам присоединился конвой из четырех конных. По крайней мере, столько солдат гарцевало позади фургона. Все тот же странный символ, похожий то ли на медведя, то ли на тигра, был изображен на плащах солдат, а островерхие шлемы на головах парней поблескивали начищенными боками.

Откуда-то отчаянно тянуло горелым, густо смешанным с запахом несвежей пищи и немытого людского тела. Жители тут явно не следили за собственной гигиеной, что и следовало ожидать. Утлые лачуги, ютившиеся вокруг славного города Илинора, тоже быстро закончились, и мы выехали на грунтовку. Всю прелесть средневекового средства передвижения тут же почувствовала моя пятая точка, и к ушибленным локтям явно прибавились новые гематомы. Количество травм росло, а условного стука все не было. В какой-то момент я даже начал подозревать, что про меня попросту забыли.

Телега вдруг резко встала, заржали лошади в упряжке, слышались гортанные крики и резкие команды солдат. Что-то свистнуло, зажужжало... по борту тяжело ударило. Вот оно! В мозгу вспыхнуло алыми буквами «Беги!».

Мне на выход, я расщелкнул пальцами браслет на свободной руке, и, сорвав с башмака одного из одурманенных узников пряжку, принялся вскрывать запор на втором браслете. Сработаны оковы были весьма топорно, простейшая заглушка блокировалась клином и двумя распорами, и стоило выдавить одну из них, как путь к спасению был открыт.

– Как ты это сделал? – опешил Крос. – Я бровями-то еле шевелю.

– Мир не без добрых людей. – В следующий момент я сделал то, о чем, возможно, пожалел бы в дальнейшем. Развернув лысого к себе, я в два счета расправился с его оковами. Тот болезненно всхлипнул и ткнулся лицом в доски, однако очень быстро пришел в себя.

– Не знаю, кто ты, Кот, но век тебе этого не забуду. – Бросившись к борту, Крос отодвинул край тряпки, прикрывающей фургон сверху, и довольно кивнул.

– Что там?

– Конвой впереди. Похоже, что-то не поделили с разъездом местного барона.

– А что вокруг?

– Да кусты вокруг, колючие, и через пару полетов стрелы Красный лес.

– Какой?

– Красный. Нехорошее место для простого человека, но лучше, чем тюрьма, в которую нас везут. Твои благодетели не удосужились сказать, куда тебе драпать?

– Есть у меня записка...

– Мама дорогая, он еще и читать вздумал. Бежим отсюда, Кот, пока не поздно. Похоже, конвой и разъезд почти договорились.

С этими словами Крос, откуда только силы взялись, лихо перескочил через борт и исчез в ближайшем кустарнике. Засунув записку глубже в сапог, я последовал его примеру и, очутившись на земле, нырнул в густые колючие заросли. И вовремя. Не знаю, в чем была заминка, однако очень быстро послышался конский топот, и, скрипнув колесами, телега тронулась дальше. Все это время я предпочел лежать лицом в траве, ведя себя как можно тише, и рискнул поднять голову только тогда, когда шум от конвойного обоза затих вдали. Обернувшись, я с удивлением обнаружил, что Крос уже на ногах.

– А я тебя знаю, – вдруг выдал лысый. – Ты же их этих, из магов-отшельников.

– Из кого? – поперхнулся я.

– Ну, из тех, настоящих, – оскалился мой новый знакомый. – Я же тебя лет пять назад видел. Мор был, скотина дохла почем зря, а ты пришел в наше селение, что-то поколдовал, и мор прошел. Только поздно ты явился, маг. Моя-то корова да лошади уже с надутыми животами гнили за частоколом.

В голосе Кроса я почувствовал явную угрозу, однако недавний друг, а сейчас, похоже, враг, нападать не спешил. Серые, глубоко посаженные глаза внимательно следили за мной, ловя каждый шаг, каждый вздох, движение каждой пряди моих волос в порывах ветра.

– Эй, парень. – Я встал и выставил руки вперед. – Полегче на оборотах. Хочу тебе напомнить, что на свободе ты именно по моей доброй воле...

– И в кабалу попал тоже по чьей-то воле. – Лысый прищурился, разворачиваясь полубоком и шаря глазами в поисках оружия. На мою беду в нескольких метрах от нас валялась толстая ветка, при умелом обращении вполне способная раскрыть череп.

Мы оба бросились к возможному оружию. Я, отлично понимая, что не успею и подставляюсь, с разбегу, в прыжке, выставил вперед ноги, а вот Крос протягивал руки к вожденной дубине, за что и поплатился. Мощный удар пятками в голову отбросил бедолагу на пару шагов назад. Прием вышел неуклюжий, по-

дилетантски неверный, но Крос, явно не ожидавший такой прыти, даже не думал контратаковать.

Рухнув на бок, я быстро перекатился на живот и, вскочив на ноги, ринулся к лысому, в глазах которого, помимо боли и обиды, сквозило откровенное удивление.

– Ну, маг, берегись! – рыкнул он, и на удивление ловко для человека, получившего ногой в голову, перекатился и, зачерпнув полные пригоршни пыли и песка, бросил их мне в глаза.

Я на мгновение ослеп и в ту же секунду получил мощный удар головой в живот. Что было дальше, не помню. То ли включился режим берсеркера, то ли мое тело в этой реальности отказывалось понимать боль, но вместо того, чтобы сложиться пополам, выплевывая легкие, я вслепую ухватил испачканную в пыли голову Кроса и как следует приложил ее о свое колено. Бой закончился даже толком не начавшись и, похоже, без серьезных последствий. Кое-как протерев глаза, я увидел радостную для любого бойца-победителя картину – Кроса, сплевывающего кровавые сопли в сторонке. Смотрел он на меня совсем не по-дружески, но мысли о дубине, я из его головы, похоже, выбил.

– Здоров ты, маг, – скрипнул зубами лысый. Левая часть его лица опухла, так же как и нос, стремительно превращающийся в сизую картофелину. – Не чета твоим сородичам.

Зубы Кроса не пострадали, и выговаривал он все это весьма внятно.

– Парень, остынь. Последний раз прошу. – Я сложил руки в молебном жесте. Мне в этом чертовом мире не хотелось наживать врагов так вот, с ходу, за непонятно какие грехи. – Я тебе больше скажу: я не тот маг, которого ты видел раньше. Я и магичить-то не способен. Я жил себе, горя не знал, вдруг беда приключилась, и ничего не помню.

– Это как? – заинтересовался вдруг Крос, осторожно трогая распухающий нос.

– А вот так. – Я развел руками, пытаюсь показать всю свою растерянность. – Ничего не помню, кроме последнего дня в суде. Ни прошлого, ни родных, ни поступков. Я не знаю, есть ли у меня женщина любимая, дети или может быть

даже внуки. Я не помню, прятал ли я деньги под половицу и подписывал ли векселя. Вообще ничего.

Технически я не врал. О прошлой жизни Серого Кота я не имел никаких воспоминаний, а объяснять бедолаге Кросу про мое попаданчество смысла не было. Возникли бы новые подозрения в моей нечестности, а это мне нужно было меньше всего.

– Врешь! – скривился Крос. – По морде твоей магической вижу.

– Не вру, – настаивал я. – Вот родичами своими клянусь, каких не помню. Я тут как слепой котенок, недавно народившийся. За что меня обвиняют, не знаю. За что любят или ненавидят, тоже понять не могу. Я же не просто у тебя о стене, артефакте, и городе спрашивал. Для меня это новость, диковинка.

– Ой, врешь! – настаивал лысый.

– Да ты пойми наконец чудной человек, – начал сердиться я. – Если я такой весь из себя маг, то превратил бы тебя в лягушку, и всего делов.

При этих словах Крос побледнел, что лист бумаги, и начал бочком отползать в сторону.

– Ты и это можешь?

– Да ничего я не могу. Разве что в морду сунуть. – Терпению моему подходил конец. – Давай так. Если у тебя претензии к Коту, то приходи, когда у меня память восстановится. Я тебе за все твои страдания золота отсыплю, сколько поднять сможешь. Честное магическое.

Расчет мой был прост. Не можешь заручиться дружбой, получи поддержку. Проводник мне в этом мире был очень нужен, а с золотом можно было и потом разобраться.

– Я много могу поднять, – вдруг вспылал энтузиазмом лысый. – Я худой, но жилистый. Когда скотина пала, я сам впряглся в плуг и землю ворошил.

– Ну, так договорились?

– Бумагу бы какую с тебя спросить. – Крос зажмурил здоровый глаз.

– Увы.

– Тогда давай так поступим. Я с тобой пойду. Как только ты все вспомнишь и вину свою осознаешь, я тут как тут, сыпь мне золотишко. По рукам?

Ловушка захлопнулась. Крос попался на крючок как неразумный карась.

История Кроса была проста и могла произойти в моем мире. После того как Серый Кот, то есть я, появился в его селении, в гору пошли дела у тех, чья скотина была спасена. Постепенно парень лишился своего надела, потом дома и, собрав последние вещички да с трудом накопленное серебро, несчастный ушел из родного села, а по сути, был выставлен более удачливыми соседями. В своем падении он винил именно Серого. Если бы не пришел маг, то скотина подохла бы вся, все бы тряхнули мощной, купили бы на последние по кобыле или корове и худо-бедно, но протянули бы до следующего урожая. В этот раз случилось совсем другое. Хитрые односельчане, быстро поняв, у кого деньжата водятся, сначала сдавали свою скотину в аренду. Глупые – платили, считая, что экономят, но на весь срок посева не хватало, а денежки заканчивались быстро, и приходилось отщипывать от своего поля сначала одну пядь, потом вторую, пока в конце концов ничего не оставалось.

Некоторые спросят, а почему не взять свободную землю, и сразу станет понятно, что в сельском хозяйстве они не разбираются. Ее еще вспахать надо, переборонить, валуны да коряги выкорчевать, а на это не одна неделя может уйти, это уж точно. А тут, совсем рядом, готовая земелька под посевы. Значит, что? Значит, отнимать надо, но так, чтобы бедный сосед ни в суд подать не мог, ни страже пожаловаться. Бизнес грязный, но с какой-то стороны верный. Многие на этом тогда погорели, а многие обогатились. Большая часть, правда, пошла по миру с протянутой рукой.

Так случилось и с Кросом, и выручило его только то, что в закромах у лысого имелась старинная брошь с камнями, бабкино наследство. Ее-то он и предъявил в славном городе Илиноре и некоторое время жил там, сняв

крохотный домик у самой стены. Городская жизнь Кросу нравилась, однако кроме как доить коров да сеять он ничего не умел. Вскоре у лысого горожанина появились проблемы, нечем стало платить налоги. Через полгода он задолжал кругленькую, по местным меркам, сумму в сорок серебряных монет. Кредиторы хотели взыскать с Кроса дом, но он оказался съемный. Городская казна решила изъять имущество, но кроме пары сапог да чистой рубахи арестовывать было нечего. В итоге несчастный был схвачен и приговорен к году тюрьмы, ибо неуплата налогов тут была чуть ли не страшнее черной магии и убийства, и любая провинность каралась сурово...

Прежде всего мне нужно было понять, что делать дальше. По-честному, следовало бы вернуться домой, пусть даже и в больничную палату. Там я был героем, а тут беглым преступником. Впрочем, как произвести данный фокус, я не имел ни малейшего понятия. Мой адвокат и его высочество Альберт говорили что-то о похожих инцидентах, и мне бы поговорить с ними, но вот только как? Проникнуть в Илинор через охраняемую магическую стену, а затем по улицам во дворец или другое строение, где проживают венценосные особы? Ну, допустим, я туда попаду. Годы подготовки мне позволили бы без труда пройти все эти испытания, однако Альберт и слушать бы меня не стал. Он хотел чуда, разговора с покойным батюшкой, а это умел делать маг по прозвищу Серый Кот, в чьем теле я, как ни странно, оказался...

Вторым пунктом моих размышлений было понимание этого мира. Если задуматься здраво, то о русском языке тут, конечно, не слышали, однако всех, от моего нового приятеля Кроса до бравого вояки Вольфа, я понимал без труда, не различая и малейшего акцента. Очередная шутка с сознанием давала мне возможность гармонично влиться в новую сущность.

Третьим пунктом моих размышлений, на опушке леса, был тот факт, что хоть и сохранилась у меня мелкая моторика и я без труда мог метать ножи, проводить приемы и двигаться по лесу, однако тело Кота явно не было рассчитано на такие нагрузки. Все это было больше похоже на маленькую машинку, которую заставляли тащить непосильно тяжелый прицеп. Она тянула, вращая колесами и надсадно рыча двигателем, но чем больше я давал нагрузку, тем явственней болели мышцы, а легкие захлебывались в спазме, и становилось трудно дышать. Может быть, Кот и был хорошим магом, а вот бойцом и спортсменом он был отвратным.

В первую очередь, нужно было понять, куда мне двигаться не стоит, о чем я тут же и спросил Кроса, едва мы сделали первый привал после того, как обогнули Красный лес по большой дуге, идя по обычному подлеску, и остановились на поляне. Крос привалился к стволу дерева, и жалобно заявил:

– Слушай, Кот, а ты точно ничего из магии не помнишь?

Я развел руками и с облегчением опустился на мшистую кочку, давая ногам отдых.

– Жаль. – Лысый вновь печально вздохнул. – От погони мы ушли, если таковая была, но я уверен, что эти идиоты из конвоя хватятся нас не раньше, чем придут к стенам тюрьмы. Теперь бы еще что пожрать.

– А куда мы идем? – вытирая пот со лба, поинтересовался я у голодного и недовольного спутника.

– Подальше от города, – отмахнулся он. – На восток нам нельзя, там Илинор и разъезды. На север смысла идти нет, если за тобой армия не стоит. Баронства там дикие, нравы суровые. Стрела в глаз прилетит, и поминай как звали. На юге тоже ничего интересного. Я там жил раньше, но теперь в тех местах все сложно. Простой человек нынче не в моде. Все обзавелись магическими амулетами и жируют. Нас там в два счета схватят и в тюрьму поволокут за тунеядство. Ведь как теперь у крестьян? Либо ты работу обеспечиваешь, либо сам нанимаешься.

– А как же остальные?

– Крестьяне – народ подозрительный, – усмехнулся Крос в пустоту. – Магов не любят, пришлых не привечают. А на бродячих артистов или лекарей мы с тобой не похожи. Попрут ведь да еще и в пуху с дегтем обваляют.

– А что с западом?

– Вот там-то точно нечего делать, – забеспокоился вдруг Крос. – Там дремучие леса, и один король ведает, что в этой чаще обитает. Там истинные маги живут, отшельники, старцы длиннобородые, а с ними чудища страшные. Говорят, кто зайдет в западные леса дальше полета стрелы, тот уже никогда белого света не

увидит.

– И что же теперь? – опешил я. – Куда ни кинь – везде клин. Нам и на юг не сунешься, заплуют, и на север – на копья поднимут. На западе чудище страшное сожрет, а на востоке голову оттяпают. Куда податься?

– В середину пойдем! – внес рацпредложение лысый. – Будем вольными разбойниками. Грабить будем толстосумов, а на денежки вино покупать и ветчину. Ой, Кот, заживем мы по-новому! По-богатому! И почему мне это в голову раньше не пришло?

Перспектива уйти в разбойники меня не радовала, однако скептицизма Кроса по поводу всех направлений, кроме восточного, я не разделял. Стоило немного изменить внешность, отрастить бороду и усы и побрить голову, и я бы вполне вписался в цирковой балаган. Метать ножи я умел, и номер был бы весьма впечатляющий. Оставался суший пустяк – найти циркачей.

С севером тоже можно было жить. Суровые воины любили добрую драку. По ходу путешествия я мог бы хоть как-то восстановить форму, а может быть, чем черт не шутит, вспомнить магические приемы, которые хранились в моей черепной коробке. Сторонние мысли подсказывали мне, что в теле я не один, однако сознание самого Кота либо вовсе покинуло это худосочное тело, либо было запрятано далеко на задворках подсознания. Но навыки-то должны были остаться?

В Илинор мне соваться было пока что незачем и не с чем, а вот на запад заглянуть стоило. Если там и водились истинные маги, то только они могли бы помочь мне с моей бедой.

– Послушай, парень! – вдруг воскликнул Крос. – У тебя же записка была! Там наверняка есть инструкция.

– И то верно! – Недоумевая, как можно было о ней позабыть, я засунул руку в голенище сапога и вытянул помятый документ. Сложен он был вчетверо, да еще помят, так что некоторое время я расправлял и разглаживал записку, после чего приступил к чтению.

Взглянув на буквы, я некоторое время ничего не мог понять. Передо мной было нечто невразумительное, похожее на арабскую вязь и английский алфавит одновременно, однако стоило напрячь зрение, как будто по волшебству вместо чудовищной абракадабры проступали вполне понятные слова и выражения.

В тексте значилось следующее.

«Лицо, чьи регалии и имя подлинное значиться здесь не может, обещает магу и чародею Серому Коту полную индульгенцию, а также восстановления во всех званиях, и возвращение всего, что было ранее отнято, в обмен на услугу, которую маг по имени Серый Кот обязан предоставить заинтересованному лицу не позднее двух недель с момента вручения записки. В случае, если услуга не будет предоставлена, маг и чародей Серый Кот не в праве на что-то рассчитывать, и все обвинения, что были предъявлены ему ранее, останутся в силе, а наказание усугублено».

Дальше шли инструкции, что кому сказать и как шаркать ногой, чтобы беспрепятственно попасть во дворец, но я разумно упустил эти строки. Информация эта для Кроса была лишней.

– Интересно, – хмыкнул лысый, когда я дочитал послание до конца. – А что это за лицо такое?

– А вот это уже не твое дело, – отрезал я вдруг. – Хочешь лишиться головы, спрашивай дальше. Это тебе не год в тюрьме уже будет, а плаха.

– Да ладно, ладно! – Мой спутник в притворном ужасе замахал руками. – Дались мне ваши магические тайны, что зайцу весло. Я понял только, что с тебя что-то спрашивают и угрожают, если не сотворишь.

– Верно, – печально согласился я.

Альберт кое-что хотел от меня, однако не давал ни малейшего намека на то, как это можно сделать, да и куда ему. Письмо было написано достаточно сухим, официальным языком, и к его составлению, похоже, приложил руку адвокат Грэм. Зря я испытывал на нем болевые приемы. Последние строчки с угрозами вышли из-под его пера особенно виртуозно.

– А о схроне с золотыми он тебе, этот твой таинственный парень, ничего не написал или о человеке верном, что напоит, накормит и в амбаре укроет двух уставших путников?

– Ничего.

– Тогда дрянь наши дела. Одна дорога – в разбойники. Там тебя ни одна непоименованная сволочь не достанет.

– Мы пойдем на запад, – решил я. Внутренний маг и майор Котов вдруг пришли к обоюдному согласию в моей голове. – Там мне помогут разобраться, что и к чему.

– Э, нет! – Ужас в глазах Кроса теперь читался неподдельный. – Я куда угодно пойду, только не в чащобу. Может, я что перегнул с описанием, но ты эту мысль про истинных из головы выбрось. Последний, кто совался туда, был барон Велес со своими вассалами, и знаешь, чем это закончилось?

– Догадываюсь. Так я и не барон. Тот небось с оружием сунулся, а у меня пустые ладони. Пойдем к магам, а уж пищу я нам с тобой раздобуду.

Глава 5. Мы идем на запад

Кое в чем мне все же повезло. Вокруг царило лето, сухое и жаркое, и можно было не опасаться замерзнуть заживо или натолкнуться на голодного и свирепого зверя. Дичь, конечно, тут водилась, но в это время года она должна была быть сытой и потому не опасной для человека.

– Как пойдем? – спросил Крос, явно смирившись с моим решением. В глазах у него явно читалось подозрение, что у меня не все дома, но жадность брала свое.

– А как лучше?

– Ну, от славного города Илинора есть три пути. Один из них только в сказках бывает. Рассказывал мне дед, когда я еще совсем малышом был, что раньше не

было ни башен, ни артефактов в них таящихся, и на земле царили истинные маги. Они управляли стихиями, вызывали солнечные затмения и творили золотые статуи взмахом руки. Те маги шли в Красный лес, который мы с тобой так старательно обходим. В самой его чаще есть поляна, на которой стоит камень. Маги садились на камень и говорили заклинание, а в следующий миг оказывались там, где хотели.

– А назад как? Пешочком? – иронично поинтересовался я.

Надо сказать, что в магию я ни сколечко не верил, хоть о ее наличии мне все уши прожужжали. Единственным странным моментом во всей моей недолгой одиссее был кристалл опознания, но такой фокус мог провести любой ловкач, и магия тут была совершенно ни при чем.

– Говорят, что такие камни путешествия стояли во всех частях королевства. Их для древних правителей делали. Один на западе, в лесу вечном, второй на севере, в горах мерзлых, третий на юге, там, где заканчивается земля плодородная и начинается песок. Четвертый, вот – в Красном лесу. Только я бы туда не сунулся ни за какие коврижки. Опасно там, жутко, комок в горле стоит и потом обливаешься, едва на полет стрелы подойдешь. Красный лес даже разбойники стороной обходят.

– А другие варианты?

– Можно по реке Суровой да затем по Великой. Она идет от одной границы королевства до другой, но по воде ходят и военные суда, проверяя грузы. Без нужных документов ссадят на берег, а то и в тюрьму бросят.

– А еще?

– По торговому тракту. Но там уж точно на разъезды нарвемся. Любой солдат в тебе мага определит. Начнутся расспросы, что, мол, и как, и где твоя подорожная. Да и потом, что по воде, что по суше, ехать не меньше месяца. Тебя, парень, скорее в розыск объявят.

– Тогда вывод очевиден, – кивнул я, смахивая со лба пристроившегося комара. Мерзкие кровососущие насекомые были вездесущи, и в этом мире тоже без них не обошлось.

Крос с сомнением взглянул на меня, почесал локоть, икнул и нехотя произнес:

– Жадность меня сгубит, маг.

– Да никакой я не маг, – вяло отмахнулся я. – Был бы магом, знал бы прикуп.

– Чудно говоришь, – поделился лысый. – Но жрать от этого меньше не хочется.

– Да добуду я тебе еды.

– И как же?

– Поймаю. Вон смотри. – Я встал и, пройдя по мху, обнаружил четкий отпечаток копытца. – Зверье тут ходит, совсем рядом. Осталось только костер развести.

– Вот не пойму тебя, маг, – скривился Крос. – Иногда ты умный, а иногда совсем дурак. Ну как мы тут зверье добывать будем? У нас ни лука, не силков. Или ты их голыми руками ловить будешь?

– А это уже не твоя забота. – Я встал и бодрым шагом направился в лес. – Ты только огонь добудь, а обед я обеспечу.

Расчет был прост. Если есть зверье, значит, можно его поймать. Присутствие отчетливого отпечатка копытца в непосредственной близости от дороги говорило о многом. По-видимому, тут попросту не охотились, так что моя потенциальная пища могла прогуливаться где-то неподалеку, даже не подозревая о том, какая она вкусная. Вскоре появились и первые признаки дичи. Внимательно глядя по сторонам, я все больше убеждался в своей правоте. Поломанная ветка, клочок шерсти на колючем кустарнике, обглоданная кора на стволе дерева. Очень скоро я наткнулся на тропу, на которой явственно виднелись следы от крохотных копыт.

Нашлись молодое деревце и подходящая ветка. Пожертвовав рубашкой, я оторвал тонкую, прочную полоску ткани и сделал из нее петлю. Привязав петлю к верхушке деревца, я закрепил один его край колышком так, чтобы петля

свободно свисала над тропкой, однако стоило задеть ее, как дерево распрямлялось, а петля захватывала добычу. Однако так просто никто никуда не полезет. Животное, оно ведь тоже не дурное, и, даже если рядом сидят два усталых голодных путника, оно собой жертвовать не будет. Можно было ждать, затаившись и надеясь, что в ближайшие несколько часов что-то произойдет, а можно было поступить по обычаю африканских охотников. Собравшись группами, они обходили свои охотничьи угодья, спугивая дичь, в то время как другие выставляли силки, в которых и путалась добыча, убегая от производимого людьми шума. Моя петля не могла служить таким силком, однако приходилось довольствоваться тем, что есть, и надеяться на удачу.

Минуты складывались в часы, начинало заметно холодать, а моя тактика не приносила плодов. Как бы я ни старался, стуча веткой по деревьям, как бы осторожно ни двигался, но, видимо, до африканского охотника мне было далеко. И вот – о чудо! – мне повезло, на тропинке появился кабан. Радость моя быстро сошла на нет, когда я осознал, что зверь матер, опасен и весит килограммов под двести, а то и больше. Моя хлипкая ловушка явно не могла остановить дикий антрекот, а он, не особо опасаясь, уверенно трусил по тропинке по одним ему известным кабаньим делам.

В голове начали сменяться шальные мысли, и каждую из них я отметал, за очевидной абсурдностью и банальной опасностью быть растерзанным диким зверем. Напасть на хрюка с голыми руками я не мог, средств для того, чтобы убить или хотя бы оглушить здоровяка, у меня тоже не было, а в это время самоходная гора отбивных, сурово похрюкивая, продолжала свое движение, направляясь к ловушке.

В отчаянии я сжал кулаки, и вдруг случилось чудо. Другими словами, то, что произошло в лесу, я описать не могу. Когда дикая свинья поравнялась с ловушкой, та вдруг будто ожила, и рванувшая к животному петля, проскользнув под передними копытами, обвила туловище зверя. Тонкая осинка, которая и себя-то держала с трудом, вдруг распрямилась и с необычайной мощью дернула. Массивная туша зверя взметнулась в воздух, свин взвыл по-своему, судорожно замельтешили в воздухе острые копытца, после чего произошло падение на землю, да такое, что отдачу от него почувствовал и я, скрывшийся в кустах метрах в десяти от самой тропы. От такого поворота событий я потерял дар речи, а осинка и тонкая петля продолжали свою страшную работу. Раз за разом ловушка вздымалась, чудом оставаясь целой, и каждый раз зверь ударялся о землю, производя невыносимые звуки. Более чудовищного вида охоты я на

своем веку еще не видел. Ловушка забивала животное до смерти. Вдруг стоявшее рядом дерево, на вид вполне здоровое, затрещало и всей своей массой обрушилось на мою добычу. Выставленные вперед, будто руки, острые ветви вспороли толстую шкуру, а поступательное движение ствола вырвало из мертвой свиньи огромный кусок мяса. Я опустил взгляд и снова оторопел. Вокруг моих сжатых кулаков витало темное, пульсирующее марево. Обволакивая кисти, на манер перчаток, оно постоянно двигалось, будто речной поток в рамках одной взятой ладони. Как только представление на поляне завершилось, черное марево истончилось, потеряло объем и растаяло подобно дыму.

Глава 6. Красный лес и неожиданные гости

Если забыть о произошедшем чуде, то поели мы на славу. Когда я выбрался из леса, неся на своих плечах огромный шмат мяса, Крос уже развел костер и мастерил что-то вроде двух рогатин и перекладины, на которую предполагалось нанизать дичь.

В глазах моего спутника промелькнул немой вопрос, и я, опустив добычу на траву, как мог подробно описал своему новому приятелю случившееся.

– Колдовство это, – пожал плечами Крос. – Черное колдовство. Ты, парень, некромант, и, даже когда тебе по голове в остроге съездили и память потерялась, некромантом остался.

– Но я же ничего не делал, – попытался оправдаться, сам не понимая зачем. – Ни слов не говорил, ни магическими амулетами не тряс. Ничего на земле не рисовал. Как такое вообще могло произойти?

– А мне почем знать? – буркнул Крос, насаживая кусок мяса на импровизированный вертел. – Я человек простой. Соли бы еще наколдовал, так тебе бы вообще цены не было.

Соли у меня не оказалось, так что после приготовления мяса пришлось есть его по-простецки, без соли и перца, отрывая от куска длинные жирные полосы. Однако и этого, для двух изголодавшихся путников, было более чем достаточно.

– Поспать бы сейчас. – Сыто рыгая, Крос опустился на землю и, облокотившись о ствол дерева, расплылся в блаженной улыбке.

– Нельзя. – Доев свою порцию, я вытер рот и руки лопухом и поднялся. – В лесу еще мясо осталось. Оно привлечет хищников. Нам нужно двигаться в Красный лес.

Крос с сожалением огляделся и, поднявшись, тяжело двинулся в нужном направлении, а я, закидав костровище песком, последовал за ним.

Путь наш пролегал все так же по лесу. Мой спутник удивительно хорошо ориентировался на местности. Несколько километров мы прошли вполне комфортно, и только при самых подступах к пункту назначения нам начали встречаться буреломы и завалы. Идти на полный желудок было тяжело, мое новое тело, не привыкшее к таким нагрузкам, отчаянно протестовало. Пот застил глаза, слабые ноги дрожали, однако я продолжал двигаться вперед, с каждой минутой сокращая расстояние до Красного леса. И вдруг все кончилось: стройные стволы деревьев, приятный запах прелой листвы и хвои... и мы уперлись в бордовую полосу почвы, будто бы очерчивающую границу между лесом безопасным и колдовским.

Крос осторожно подошел к этой полосе, и, подняв с земли ветку, ткнул в мертвую почву. Ничего не произошло.

– Это красный пояс, – пояснил он мне, с благоговением оглядывая пейзаж. – Я про него только слышал и вижу впервые, поэтому вновь прошу тебя не идти в чащу. Видишь, какой ужас творится?

Я с сомнением осмотрел возникшее препятствие. Часть породы бурого цвета, вытолкнутая наружу, действительно могла произвести неизгладимое впечатление на темные, неокрепшие умы местных. Но тот факт, что на поверхности не имелось растительности, могло быть обусловлено составом породы, ее химическими составляющими, препятствующими развитию мха и прочего. Ничего опасного, смертельного или колдовского я тут не усмотрел и потому, решив махнуть на суеверия, смело шагнул вперед.

Это стало чудовищной ошибкой, и уже потом я взял себе за правило никогда, ни при каких обстоятельствах не пренебрегать странными поверьями и людскими байками, и, если тебя предупреждают об опасности, надо быть начеку...

Началось все со странного ощущения во всем теле. Чем дальше я продвигался, тем явственнее становился дискомфорт, а затем я сквозь подошвы почувствовал нешуточный жар и, чтобы не спалить обувь, побежал. Как ни странно, но чем быстрее я двигался, тем дальше казался противоположный край бордового пояса. Поняв, что дело тут нечисто, я решил броситься назад, но это не сработало. Спасительная зелень леса отодвигалась от меня с чудовищной быстротой.

Я решил позвать на помощь Кроса, но тот вел себя более чем странно. Вместо того чтобы спасти свои «инвестиции», он буквально переламывался пополам от смеха. Видимо, заколдованная полоса почвы плохо повлияла на его умственные способности, и он потерял связь с реальностью. Лысый мерзавец хохотал, да так, что лицо его покраснело, а по щекам текли слезы.

Решив разобраться с этим позже, я снова бросился вперед, спасая подошвы. Беда не приходит одна. Через несколько секунд я почувствовал, как почва под ногами заходила ходуном, а затем послышался страшный грохот. Обернувшись через плечо, я только ускорил бег, ибо то, что увидел, выходило за границы понимания. Посреди багрового пояса появилась огромная трещина, в которую мог с легкостью поместиться грузовик. Жар оттуда поднимался такой, будто разлом шел из самого ада. Очень скоро на краю появилась гигантская лапа с длинными синими когтями, вспоровшими породу, будто пуховую подушку, затем вторая лапа, увитая выступающими черными венами, и вскоре на поверхность этой грешной земли выбралось inferнального вида существо. У чудовища был исполинский рост, атлетическое телосложение, огромные ветвистые рога и уродливая, бородавчатая морда. Монстр распрямился, упершись конечностями в края разлома и, издав страшный вопль, ринулся в мою сторону.

Не разбирая дороги, я бросился прочь. В небольшом отдалении от меня, по краю разлома, бежал Крос и подбадривал меня дурацкими криками, делая при этом весьма комичную физиономию. Пообещав себе, что если выберусь из этого переплета, то первым делом набью лысому морду, я еще более ускорился. Жар стоял невероятный. Пот застил глаза, легкие ходили ходуном, и сердце в груди стучало так, будто готово было вырваться наружу.

Позади меня слышался нарастающий топот, а вой демона становился невыносим. Я бы, наверное, давно уже обессилел от бешеной гонки, но выброшенный в кровь адреналин прибавил этому хлипкому телу бодрости. Существо стремительно меня догоняло. Кажется, урод имел вполне конкретную цель. В какой-то момент он приблизился настолько, что я смог уловить идущий от него смрад и ощутить зловонное дыхание. Я бежал, как мог, бежал так, как никогда еще не бегал, но все равно этого было мало. Когтистая лапа, рассекая воздух, со свистом опускалась и поднималась у меня за спиной, демон рычал, показывая выступающие желтые клыки, сквозь которые проскальзывал длинный раздвоенный, будто у змеи, язык. И вот когда я понял, что не смогу уйти, на плечо мне опустилась лапа...

Я сидел на краю заговоренного участка земли и смотрел, как Крос таскает сучья и стволы поваленных деревьев, из тех, что поменьше, и мастерит настил. Как мне позже рассказал лысый, едва я ступил на заговоренную породу, как начал себя вести очень странно. Сначала я принялся прыгать, будто бы и не холодная земля под ногами, а угли, потом начал бегать по кругу, а после, с воплями и вытаращенными глазами, принялся метаться на небольшом участке бордовой почвы. После чего испустил страшный крик и потерял сознание.

С безопасного участка леса такое поведение выглядело более чем смешно, однако я был почти уверен, что если бы не мои белые волосы, то смог бы разглядеть появившуюся седину. Ни пышущего жаром разлома, ни кровожадного чудища, ни убегающих границ Крос не видел.

– Колдовство, – заключил он после моего рассказа. – Наваждение. Кто-то в Красном лесу не любит гостей и очень постарался, чтобы они здесь не появлялись. Боюсь себе представить, что на твоём месте смог бы увидеть я.

– А что тут представлять? – ехидно поинтересовался я. – Иди себе спокойно. Мы оба теперь знаем, что это безопасно. Максимум, что тебе грозит, – это легкая пробежка.

– Э, нет, парень. – Крос хитро прищурился. – Я человек простой, и чем меньше в моей жизни магии, тем дольше протяну. Я лучше настил сделаю.

– Ну, делай, – пожал я плечами.

Телу требовался отдых, так что, устроившись поудобней на мшистой кочке, я с интересом наблюдал, как лысый строит противомagicескую гать из подручных материалов. На это у него ушло чуть больше часа, после чего он осторожно ступил на получившийся настил, постоял немного и пожал плечами.

– Ну что? – крикнул я ему со своего места. – Рогатые твари уже из земли полезли?

– Да нет вроде. – С сомнением на лице Крос попрыгал по настилу и с облегчением кивнул. – Видать, не пробить магии мою поделку.

Вдруг его лицо изменилось, и он с ужасом посмотрел под ноги.

– Печет, ой печет! – взвыл лысый и огромными прыжками пересек заколдованный участок земли...

* * *

В русском языке слово «красный» не всегда означает цвет. Например, в толковании Ожегова и Шведова есть пять направлений, объясняющих значение. Среди них есть такое:

«Употребляется в народной речи и поэзии для обозначения чего-нибудь хорошего, яркого, светлого. Красный денек. Красный угол (в старых крестьянских избах: передний, противоположный печному, обращенный на юго-восток угол, в красном ставился стол, и вешалась икона). Красная (красна) девица. Долг платежом красен».

Однако к Красному лесу это отношения не имело. Со слов всезнающего Кроса, лес так назван был потому, что где-то в его чаще, недалеко от транспортного камня, был выстроен дом мага и отшельника Красного Сокола. Маг этот был великий, могучий, истинный, проживший на этом свете почти триста лет. Именно Красный Сокол смог создать первый артефакт, который позже поместили в башню в славном городе Илиноре. Красный Сокол общение не любил и принимал только тех, кого считал достойным своей аудиенции. Именно поэтому он усложнил доступ к себе настолько, насколько это было возможно.

Оградил свой лес магическим кольцом, напустил в чащу всяких ужасов, а сам, похоже, взял да умер. Последние лет сорок о маге Красном Соколе не было вестей, а те редкие смельчаки, что ходили к нему на поклон, так и не вернулись назад.

– Дурная слава у этого леса. – Крос шел чуть позади меня, опасливо озираясь по сторонам и аккуратно переступая те участки почвы, которые казались ему наиболее подозрительными. – Разбойный люд тут не живет, охотники не бродят, торговцы огибают стороной, хоть и ближе им к городу-то. Вот сам и думай.

– А есть хоть какие-то доказательства, что тут происходит неладное?

Я шел спокойно, дыша полной грудью и наслаждаясь вынужденной прогулкой, однако после заговоренного кольца тоже был настороже.

– Это как?

– Ну, свидетели, улики? Может, тут просто дикий зверь ходит?

– Ну как тебе сказать, – стушевался вдруг Крос. – Людская молва, она тоже не так просто возникает. Мне вот что еще один старик рассказывал. Пошел, значит, староста деревенский в лес, чтобы у Красного Сокола лучшей доли попросить. Мужик он был умный, хваткий, рукастый, за землю свою радел, однако считал, что не его это судьба, вот, значит, и пошел...

– И как? – лениво поинтересовался я, с трудом перелезая через очередное поваленное дерево. – Что ему Сокол этот ответил?

– А фиг его знает. Старосту нашли позже, рядом с лесом. Он в сторону Илинора шел. Имени своего больше не помнил, точнее, помнил, но называл его как-то чудно. Ты представь себе, имя из трех имен!

– Вроде Сергей Александрович Котов? – наобум брякнул я.

– Вроде того. Похоже. А ты что, эту историю тоже слышал?

В голове моей снова зажглось предчувствие, замигав красным тревожным светом.

– Нет, не слышал. – Я с новым интересом взглянул на шагающего рядом Кроса. – Новой судьбы, значит, тот мужик захотел?

– Ага. Кто он и откуда, староста так и не вспомнил потом. К работе на земле он интерес потерял, долго слонялся, выпрашивал все какие-то направления. Города называл странные, королей неизвестных, а потом, в один прекрасный день, снова пропал, и больше его никто не видел.

Все внутри меня ликовало. Похоже, сам того не ведая, я уцепился за единственную ниточку, которая могла помочь распутать загадочный клубок моей реинкарнации. История старосты очень походила на мою. Я тоже очнулся, ничего не понимая и не умея того, что мне приписывали. Условия старта у нас, правда, были разные. Староста был аграрием, путешествующим пешком, а я подсудным некромантом за решеткой.

– А что еще этот староста говорил?

– Да я уж и не помню. – Крос пожал плечами, похоже даже не заметив моей заинтересованности. – Старик рассказывал, да я забыл.

– А еще таких случаев не помнишь?

– Были и другие, – вдруг признался Крос. – Из тех, кто к магу ходил, кто-то получал желаемое, кто-то нет. Одни хотели золота, другие удачи, третьи доли лучшей. Красный Сокол никому не отказывал, кто до него доходил.

– А кто не доходил? Убивал он их, что ли?

– Что ты! – Крос в ужасе замахал на меня руками и выразительно приставил указательный палец к губам. – Как можно подумать такое? Красный Сокол был истинным магом, а те ценили жизнь.

– Послушай, Крос, – решил я задать мучивший меня давно вопрос. – А почему люди так не любят некромантов?

– Их не сразу невзлюбили, – пояснил лысый, не сбавляя шага. – Они последние остались, кто по свету вот так, запросто ходит. Маги ненастоящие, их еще последышами называют, ютятся около артефактов, сработанных мастерами, и потому могут творить. Лет сто назад магия делилась на магию жизни и магию смерти. И та и другая плохой не была. Это как нож в руке у человека. Дай его порядочному гражданину, и он отрежет кусок бечевы. Вручи негодяю, и он всадит тебе лезвие в бок. Что-то случилось сто лет назад, и все маги жизни ушли кто куда. Непроходимая чаща, заснеженные горные пики, бескрайние болота и знойные пустыни стали их прибежищем, однако маги смерти остались, хоть и в незначительном количестве. Я так думаю, что последыши просто боятся их, считая, что силы в таком человеке достаточно, чтобы разрушить в прах их идеальный мир с чистыми улицами, румяными горожанами и геранью на подоконнике...

– Я говорю чудно, – обронил я, – однако и ты – не как крестьянин.

– Ничего удивительного. – Крос вдруг взмахнул палкой, которой до этого проверял кочки, и здоровенный мухомор на толстой ножке лишился своего очарования. – Я же не всегда крестьянином был. Родился я в южном прибрежном городке, без всяких башен и артефактов. Мой отец рыбу ловил, а мать латала сети. К тринадцати годам я чуть было не погиб в шторм и решил, что море не мое. Я ушел из отчего дома и много путешествовал по свету. Был и стражником в личной охране барона, и писарем при академии, грамоту я знаю. Довелось мне торговать шерстью на базаре, добывать золото в горах. Однако я становился старше и решил осесть. Замотала жизнь, замучила. Так я и стал крестьянином, завел свою живность, начал возделывать землю. Остальное ты знаешь...

Шли мы долго, и наконец, окончательно выбившись из сил, я поинтересовался:

– Долго нам еще, Крос?

– А кто его знает, – пожал тот плечами. – Может, к вечеру дойдем, а сдастся, и за неделю не управимся. Лес-то заколдованный.

Я печально огляделся вокруг, решительно не видя ничего волшебного.

– А что же ты об этом раньше не сказал? Мы бы хоть пожрать взяли.

– А я и взял. – Лысый довольно похлопал по карману своих брюк. – Тут несколько кусков мяса. Я их нарочно в лопух завернул, чтобы не пропали.

Привал устроили тут же. Получив от спутника кусок жареной кабанятины, я с наслаждением впился зубами в холодное жесткое мясо, только сейчас осознав, насколько голоден.

– Кушай, маг, кушай. – Лысый быстро справился со своей порцией и теперь снова шарил в карманах. – Нам силы понадобятся. Путь неблизкий, опасный. Может, и свернешь куда?

– Нет. – Я прожевал последний кусок мяса и отрицательно затряс головой. – Куда уж теперь, да и интересные ты мне, Крос, истории рассказываешь. Послушаю, так сам к Красному Соколу на прием напрашусь.

– Маги – люди занятые, особенно истинные, – скривился мой спутник. – К ним на чай не заглядывают. Примет тебя Красный Сокол, если, конечно, жив старик, только тогда, когда у тебя будет четкая просьба, заветное желание. Неопределившиеся – в сторонке пусть стоят. Вот так-то.

– Расскажи мне о магах и магии, Крос, – попросил я своего спутника, и тот с удивлением взглянул на меня.

– Станный ты парень, Серый. Вот пройдет твоя забывчивость, и сам все вспомнишь.

– А ты напомни, – решил я подзадорить лысого. – Может, и память быстрее вернется, а с ней и твое золото.

– Умеешь ты уговаривать. – Крос кашлянул в кулак. – Ну да ладно, что тебя интересует?

– Да все. – Я решил лгать самозабвенно, со всеми подробностями, так, чтобы никто не усомнился в том, что не вру я, а говорю чистую правду. – Я-то свое имя вспомнил только на скамье подсудимых. Остальное как отрезало.

– Ну ладно. – Крос почесал лысый затылок. – Расскажу, что знаю. В этом мире все подвластно магии, однако людей, способных творить чудеса, крайне мало. Раньше, когда маги ходили по земле, не скрывая лица и способности, было проще. На границах было тихо, на полях урожай, а в сердце спокойствие.

– Небо голубей, мясо вкусней... – поддержал я Кроса, и тот, не заметив издевки, согласно кивнул.

– Старики говорили, что маги жизни и смерти были единым целым. Именно они организовали первую академию магии в славном городе Илиноре, именно они воздвигли волшебные стены вокруг городов. Они создали артефакты благополучия, воздвигали башни безопасности. Они делали многое, ничего не прося взамен. Потом они ушли, а их место заняли последыши, слабосильные недоучки с манией величия.

– А почему ушли маги? – задал я резонный вопрос. – Они же, по сути, были властителями этой земли.

– Все дело в равновесии, парень, – усмехнулся Крос. – В каком-то гребаном равновесии. Старики говорят, что кто-то из магов стал настолько могуч, что его силы хватило бы на разрушение этого мира. Поняв, что, если дело так пойдет и дальше, маги схватили этого смельчака и заточили в тюрьму. Где эта тюрьма, не спрашивай, никто, кроме истинных, об этом не знает.

– Дай угадаю, – перебил я своего собеседника. – В заточении находится некромант.

– Верно! – Крос хитро прищурился. – Так и есть. Маг смерти смог добраться до каких-то страшных знаний, и только гуртом его смогли побороть, наложить заклятие бессилия и заточить. Остальные же маги ушли, чтобы не искушать судьбу. Создали собственные обиталища, закрылись от всего. Но лично я в это не верю. Если тот некромант был так могуч, что стал на уровень с демиургом, то как остальная банда смогла его завалить? Силой вряд ли, хитростью тоже сомнительно. С большей силой приходит большая мудрость, иначе не сила то, а кистень.

– Ну а если отбросить легенды и мифы?

– Ну, тогда проще. Есть академия магии. В ней обучают магическим премудростям, по фолиантам, составленным Красным Соколом. Выходят оттуда неплохие врачеватели, достойные предсказатели погоды, лихие потешники, но вся их способность рвется, едва они выходят за границы города. Обучают там только магии жизни, а магия смерти стоит под запретом.

– И неудивительно, – хмыкнул я. – Кому понравится смертельное заклинание?

– Да дело тут даже не в этом. Магия жизни, она же светлая магия, доступна многим. Достаточно знать заклинание, уметь чертить в воздухе замысловатые знаки и правильно расставить камни. Если упорно учиться в течение пяти лет, не отлынивая от занятий, то можно превратиться в мага-последыша и даже получить диплом. Магия же смерти сродни стихии. Ее невозможно выучить. Колдовство зарождается где-то внутри, в самом сердце, в самых печенках, и еще никто не написал трактата по черной магии, ибо описать собственные чувства и стремления иногда попросту невозможно.

– Хорошо говоришь, – снова перебил я. – Как по написанному.

– А тут ничего странного. – Крос вяло отмахнулся и зевнул. – Я, когда писарем в академии работал, много чего читал. Местные педагоги вирши строчили, а я их потом в печатный вид переводил, в типографии.

– А что могли делать маги?

– Настоящие или последыши?

– Настоящие!

– Да все, пожалуй. – Крос снова зевнул. – Реки вспять пускали, облака разгоняли, звезды с небосклона сбивали, а потом мастерили из них артефакты и волшебные камни.

– Крутые были ребята. Много их было?

– Четверо.

Повисла тишина. Крос, казалось решив, что удовлетворил мое любопытство, начал устраиваться на ночлег, прямо на земле.

– А что это за маги? – настойчиво поинтересовался я.

– Ну, о Красном Соколе ты знаешь. Он, как и еще двое, маг света и жизни. Его обиталище в Красном лесу. В песках есть пещера, где обитает Желтый Нетопырь, повелитель стихий и ветра. В болотах, если зайти далеко по гати и ни разу не оступиться, ты можешь найти дом на дереве, сплетенный из тины и кувшинок. Там живет Зеленый Полоз. Говорят, что он знает язык животных и может понимать растения. О последнем я тебе рассказывал. Он самый сильный и самый отчаянный и находится в заточении в невидимой крепости на краю мира. Сторожит его страшное чудовище с сотней голов и десятью сердцами. Зовут того мага Черный Ворон.

– А что еще ты знаешь о магах? – не унимался я.

– А это, пожалуй, все. Остальное можно брать только на веру, – сонно пробормотал Крос. – Да ты спи давай. Это заговоренный лес. Если он не убил тебя с самого начала, то выспаться точно даст. И самое главное – королевские разъезды сюда ни ногой.

Крос заснул почти сразу, а я все не мог уснуть. Я начинал чувствовать этот мир, осязая по-новому. Зашоренное годами службы сознание впитывало сведения как губка, жадно поглощая новые реалии, и я начал понимать, что назад особенно не тороплюсь. Мой статус тут был более чем спорен. Беглец, преступник, некромант, человек, на которого возлагает надежды один из принцев и которого хочет убить другой. Оборот был крут, однако дома меня ждало мало радости. Годы службы в спецназе не прошли даром, помимо посттравматического синдрома я приобрел зависимость к табаку и алкоголю, но, очутившись в теле Серого Кота, ни разу не ощутил потребности ни в том ни в другом. Жизнь моя особенно не складывалась, и в мире без магии я дослужился до майора, а потом был переведен в учебный полк, где пришлось натаскивать зеленых юнцов, уча их убивать себе подобных. Дело это было для страны, безусловно, нужное, однако не так я мечтал закончить свою карьеру.

Серый Кот, хоть и казался хлюпиком и слабаком, однако был лет на десять меня моложе, и это открывало совершенно новые перспективы. Дряблые мышцы и

жирок на боках я мог убрать за месяц, восстановить прежнюю реакцию за полгода. В этом я был уверен. Осталось только протянуть шесть месяцев, а там, может, и что иное приключится. Снова стану магом, выучу пару манускриптов и буду забивать свиней в лесу совершенно легально и на показ. Может быть, осяду где, построю, а лучше куплю дом, женюсь.

Я мечтательно откинулся на мягкий мох и, скрестив ладони на затылке, уставился на участок неба, открывающийся среди лесных крон, как исполинская заплатка. Там, на черном полотне небосклона, начинали робко проступать звезды. Вокруг было тихо и тепло, щебетали птицы, где-то журчал ручей. Воспоминания о старой жизни бравого вояки казались сейчас чем-то далеким, туманным и ненастоящим, а истинная жизнь шла здесь и сейчас. Что я мог получить, вернувшись назад? Увольнение, группу инвалидности и долгие месяцы реабилитации после того случая с гранатой? Возможно, пенсия бы скрасила отсутствие пальцев, а то и ноги, хоть и очень это все сомнительно. Что у меня там отрезали медики, я не знаю. Может, и не жив я уже, тот самый Сергей Котов, а остался только Серый Кот, черный маг, маг смерти и чего-то там еще. Нет, тут определенно лучше. Тут я сам целым куском, сыт, здоров и несколько не страдаю из-за отсутствия удобств прошлой жизни. Я заснул, и впервые за долгое время мне приснился хороший сон.

Глава 7. И не друг, и не враг

Утро в лесу, казалось бы, что может быть чудесней? Но никогда, слышите, никогда не спите в лесу на голой земле. Я проснулся от адского холода. Конечности были фактически ледяные, горло саднило, и адски раскалывалась голова. Что-то кололо в боку, спина не гнулась, так что засыпал я человеком нормальным, а проснулся инвалидом. Я клял себя за такую ошибку. Ведь не раз ночевал подобным образом, но при мне было снаряжение, палатка, а в качестве подстилки я зачастую использовал лапник. С завистью поглядывая на мирно посапывающего Кроса, я принялся расхаживать туда-сюда, размахивая руками и приседая, чтобы хоть как-то согреться. Сделав с сотню подобных упражнений, я вынужден был перейти на бег и, только когда от меня повалил пар, смог почувствовать себя более-менее нормально. Ошибки, которые я допускал в этом мире, были какие-то детские. Куда-то подевалась житейская мудрость и опыт, и я с уверенностью наступал на грабли, не осознавая, что те прилетят ручкой в лоб.

Не знаю, как в прошлый раз Крос развел костер, но огонь мне требовался, и я, нисколько не смущаясь, начал тормозить своего спутника, но куда там. Сон лысого был поистине богатырским. Конечно, можно было обшарить карманы спутника, но этого я сделать не мог по идейным соображениям. Снова подступил холод и ломота в суставах, и я вновь принялся за упражнения. Если бы я был в том физическом состоянии, к которому шел многие годы, то это было бы просто, а вот некромант выдыхался после тридцатого отжимания. Приходилось сидеть или лежать на земле, восстанавливая силы. Тепла от этого не прибавлялось.

– А ты упорный парень, как я погляжу?

Проснувшись, Крос с интересом наблюдал за моими телодвижениями.

– Холодно, – прохрипел я. – Замерзну насмерть, и не видать тебе денежек.

– Тогда поднимайся, пойдем греться, – вдруг решил лысый.

– Куда пойдем? – поинтересовался я сипло, стараясь прибавить к интонации как можно больше страданий.

– Да тут недалеко. – Крос встал и зашагал вперед, а я, воя и постанывая, ринулся за ним, чтобы не потерять своего спутника в буреломе.

Лысый шел легко, выбирая, похоже, новый маршрут и действуя так уверенно, будто каждый день совершал утренние прогулки по Красному лесу. Шли мы ходко, без приключений. Ни одна колючка не впилась мне в одежду, ни один сук не хлестнул по лицу. И вдруг лес закончился, а мы оказались на поляне. Посреди нее стоял вполне себе добротный дом – с окнами и трубой, из которой шел дым, палисадником и крыльцом с резными перилами. Выглядел этот дом совершенно нелепо и чуждо в этом пейзаже нависающих крон зеленых исполинов, в хороводе замшелых камней и симфонии лесных запахов и звуков.

Крос, впрочем, этому не удивился. Поднявшись по ступеням, он провел рукой над наличником двери и, вытащив из тайника ключ, без особых церемоний отомкнул замок.

– Входи, некромант, – обронил он, и первым шагнул внутрь.

Я сидел у камина и с наслаждением потягивал горячий бульон из глиняной миски. Устроился я прямо на циновке, рядом с огнем, а мой лысый спутник по-хозяйски расположился в кресле-качалке, укрыв ноги клетчатым пледом и скрестив руки на груди.

– Чей это дом?

Я внимательно осмотрел жилище и пришел к выводу, что решительно не могу понять, кто тут живет. На сторожку охотников оно не походило. Полки с книгами, в тисненых золотом переплетах, широкий письменный стол, коллекция курительных трубок в стеклянной витрине и еще тысячи мелочей говорили о том, что тут живет не охотник, не лесник и вообще человек, скорее, интеллектуального труда. Была тут и шкура странного зверя, страшного на вид, но с шерстью такой мягкой и приятной на ощупь, что я даже залюбовался, поглаживая ее ладонью, и временно позабыл о своих недугах. Широкие окна были застекленными, чего я и в Илиноре видел немного, а того, что ушло на этот дом, хватило бы, чтобы остеклить им в славном городе целый квартал.

Сам дом выглядел очень опрятно, хоть женская рука и не угадывалась. Ни пыли на столешнице, ни паутины по углам. Можно было подумать, что в помещении ежедневно проводят тщательную уборку.

– Мой, – пояснил Крос.

– Ничего не понимаю. – Я хлебнул бульона и вновь уставился на огонь.

– Я Красный Сокол. – Качалка скрипнула, и пламя в камине, вдруг вспыхнув, разгорелось так, будто кто-то подлил туда бензина.

Я поставил плошку с супом на пол и поспешно отодвинулся от огня.

– Поясни.

– А тут и пояснять нечего. – Крос, или Красный Сокол, – я теперь не понимал, как его называть, – скрипнул креслом и уставился на огонь. – Мне скучно, парень. Я прожил долгую жизнь, видел, как рушатся королевства и воздвигаются новые

миры. Самые древние старики в этой стране для меня что дети, а те знания, которыми они обладают, как разрозненные крупицы, осколки витража.

– А если без пафоса?

– Хочешь просто? – Крос отвел взгляд от пламени и перевел его на меня. В глазах моего нового знакомого оседало пламя, яркими всполохами уходя куда-то за горизонт сознания. За какие-то полчаса он стал больше, мудрее, сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zhereb-ev_vladislav/prigovor-nekromantu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)